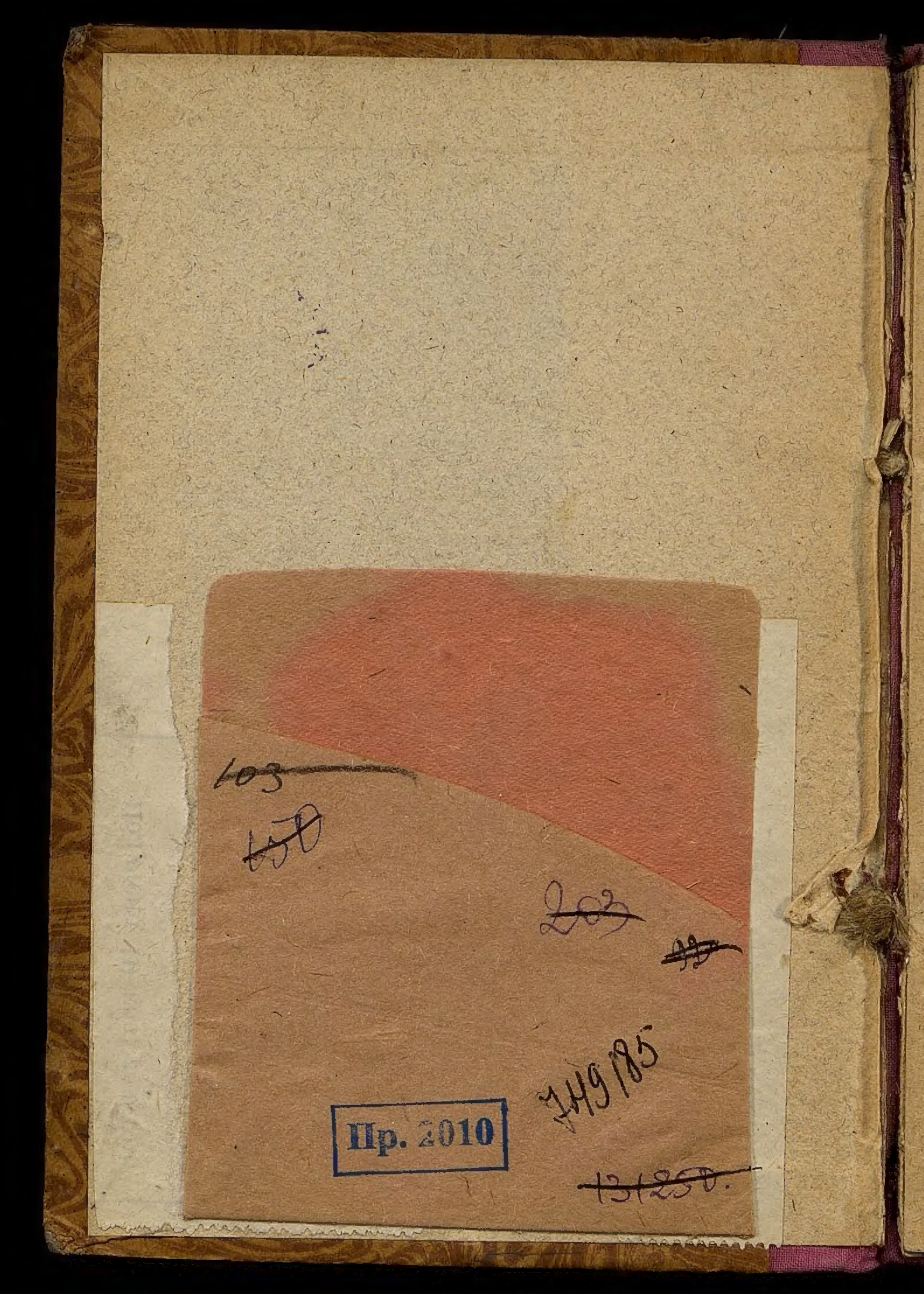
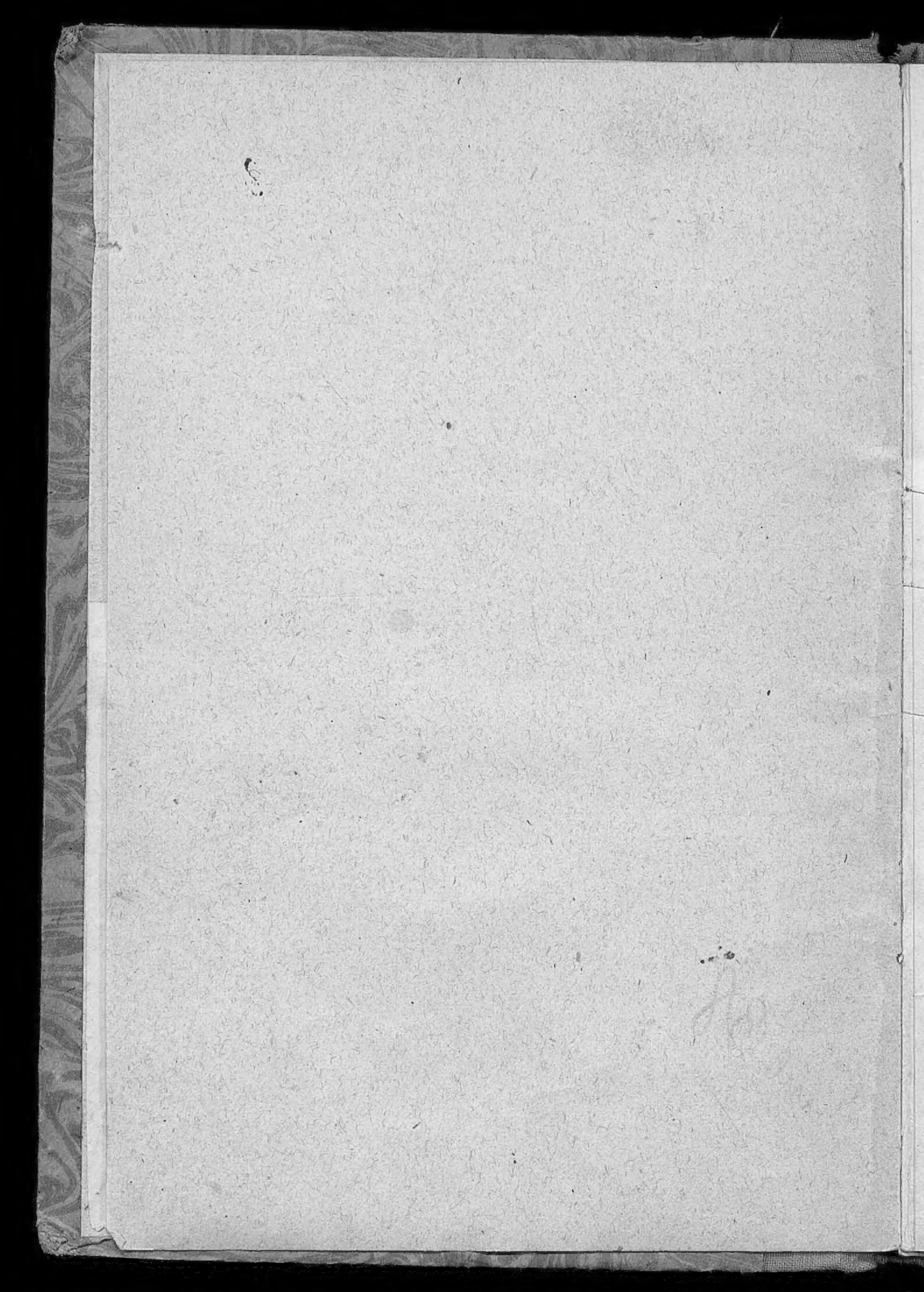
Огарков

Жуковскій

Пр. 2010

Дозв. ценз. Спб., 15 мая 1894 г. Тип. тов. „Общ. польза", Б. Подъяч., 39

В. А. Жуковскій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

В. А. ЖУКОВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

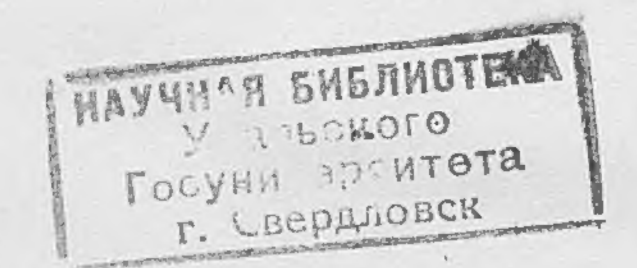
В. В. Огаркова

Съ портретомъ В. А. Жуковскаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Больш. Подъяч., № 39
1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Апрѣля 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Ранніе годы 5

II.

Благородный пансіонъ, служба и литература 15

III.

Извѣстность поэта и почести. 28

IV.

Поэзія и обязанности 41

V.

Жуковскій въ обществѣ и дома. 54

VI.

Послѣдніе годы жизни. 62

VII.

Значеніе Жуковскаго, какъ поэта. 72

Главнѣйшими источниками при составленіи очерка служили:

---

1) «В. А. Жуковскій и его произведенія», П. Загарина.

2) «Жизнь и поэзія Жуковскаго», К. К. Зейдлица.

3) «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго», П. А. Плетнева.

4) «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ», А. Н. Пыпина

5) «Собраніе сочиненій В. Жуковскаго».

6) «Сочиненія В. Бѣлинскаго» и друг.

Кромѣ вышеуказанныхъ книгъ, приходилось заимствовать свѣдѣнія о жизни поэта изъ «Записокъ Смирновой» («Сѣверный Вѣстникъ»), «Дневника» Никитенко и изъ историческихъ журналовъ послѣдняго времени.

I.

Ранніе годы.

Свѣтлая личность Жуковскаго.—Его рожденіе.—Турчанка Сальха и Бунинъ.—Раздоръ и примиреніе Буниныхъ.—«Васенька»—любимецъ семьи.—Помѣщичья жизнь въ прошломъ.—Феодалы и вассалы.—Обстановка Жуковскаго въ дѣтствѣ.—«Родимыя поля».—Среди женщинъ и дѣвочекъ.—Молодое и восторженное общество Мишенскаго.—Первые опыты ученія.—Вральманъ.—Пансіонъ Роде.—Народное училище.—Домъ Юшковыхъ въ Тулѣ.—Первый опытъ въ драматургіи.—Симпатичная наружность поэта.—Его военныя похожденія.—Поѣздка въ Петербургъ.—Зимній дворецъ.—Жуковскаго опредѣляютъ въ Благородный пансіонъ въ Москву.

Есть такія имена въ литературѣ, которыя, сіяя кроткимъ, лучезарнымъ свѣтомъ, привлекаютъ къ себѣ всѣхъ и рѣдко въ комъ способны возбуждать отрицательныя чувства. Чѣмъ-то мирнымъ, поэтическимъ вѣетъ отъ носителей этихъ именъ; при воспоминаніи о нихъ смолкаетъ злоба и вѣрится въ добро, счастье и красоту.

Одно изъ такихъ симпатичныхъ именъ въ русской литературѣ—Жуковскій, милый пѣвецъ «Свѣтланы», авторъ первыхъ романтическихъ балладъ на Руси, свѣтлыя поэтическія мечтанія котораго будили столько чистыхъ грезъ въ юношескихъ сердцахъ и жизнь котораго, несмотря на окружавшія его могучія искушенія,—была такъ-же прозрачно-чиста, какъ и его задушевныя элегіи. Если съ именемъ Лермонтова соединяется представленіе о бурной, неудовлетворенной мысли, изливавшейся въ грозныхъ упрекахъ судьбѣ и людямъ, въ «стихѣ, облитомъ горечью и злостью»,—то, наоборотъ, лира Жуковскаго звучитъ кроткими, незлобивыми звуками, мирной, уравновѣшенной любовью къ людямъ и природѣ. Если и слышится въ звукахъ этой лиры скорбь,—то скорбь не титаническая и

бурная, а такая-же тихая и меланхолическая, какъ звуки «эоловой арфы», воспѣтой поэтомъ. Въ его поэзіи нѣтъ ни гордыхъ вызововъ небу, ни ядовитыхъ проклятій исторіи: поэтъ со страницъ своихъ произведеній смотритъ на насъ съ кроткой улыбкой. И вы, познакомившись съ искренностью пѣвца, чувствуете невольную симпатію къ нему за то, что его «сладкіе звуки и молитвы» раздавались въ тяжелую пору русской исторіи, умиляя сердца и возбуждая гуманныя чувства тогда, когда кругомъ все было грубо и въ людяхъ дремало состраданіе.

Василій Андреевичъ Жуковскій былъ сыномъ помѣщика Афанасія Ивановича Бунина и турчанки Сальхи, взятой въ плѣнъ при штурмѣ крѣпости Бендеръ. Поэтъ родился 29-го января 1783 г. въ селѣ Мишенскомъ, въ Тульской губерніи, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Бѣлева. Воспріемникомъ его былъ дворянинъ Андрей Григорьевичъ Жуковскій, жившій у богатаго Бунина. Онъ усыновилъ ребенка и далъ ему свое имя.

Читатель будетъ правъ, если въ разсказанномъ увидитъ несовсѣмъ благопріятное обстоятельство для душевнаго настроенія поэта, и не будетъ большой ошибки предположить, что многія элегическія ноты поэзіи Жуковскаго обязаны тому факту, что мать его являлась рабыней въ домѣ, ставшемъ сыну роднымъ. И та глубокая потребность ласковыхъ, задушевныхъ отношеній, жившая всю жизнь въ сердцѣ поэта и выраженіемъ которой служили его искреннія и трогательныя стихотворенія,—являлась естественнымъ слѣдствіемъ того, что въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, когда душа проситъ материнской ласки,—свободныя проявленія сыновняго чувства были стѣснены.

Кромѣ того обстоятельства, что мать Жуковскаго, плѣнная турчанка, была рабыней и въ присутствіи «господъ», къ числу которыхъ относился и ея собственный сынъ,—не смѣла садиться,—все, казалось, сложилось хорошо для будущаго поэта въ ранніе годы его жизни. Бунинъ, по разсказамъ знавшихъ его, былъ добрый и хорошій человѣкъ. Жена Бунина, Марья Григорьевна, урожденная Безобразова,—кроткая и умная женщина,—являлась въ окружавшей ее средѣ сравнительно развитымъ человѣкомъ, что́ доказывается и тѣмъ образованіемъ, которое она съумѣла дать, несмотря на невыгодныя для этого тогдашнія условія,—своимъ дочерямъ и Жуковскому.

Самъ Бунинъ очевидно тоже не былъ изъ породы Митрофанушекъ,—весьма распространеннаго типа того времени. Достаточно сказать, что единственный, горячо любимый сынъ Буниныхъ учился въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ и умеръ въ 1781 г. Потеря любимаго сына,—при отсутствіи надежды имѣть наслѣдника въ будущемъ,—являлась причиной, что Марья Григорьевна привязалась къ чуждому ей мальчику и перенесла на него тѣ ласки, которыя доставались прежде ея собственному сыну.

О появленіи Сальхи въ домѣ помѣщика Бунина существуетъ слѣдующій разсказъ. Во время румянцевскихъ походовъ противъ турокъ на войну отправлялись какъ мѣщане города Бѣлева, такъ и крестьяне изъ вотчинъ Бунина. Старикъ сказалъ въ шутку пришедшимъ къ нему проститься передъ отправленіемъ на войну крѣпостнымъ:

— Привезите мнѣ хорошенькую турчанку: жена моя совсѣмъ состарилась!

Это было принято въ-серьезъ, и къ барину привезли двухъ турчанокъ, родныхъ сестеръ, попавшихъ въ плѣнъ при взятіи Бендеръ. Мужъ молоденькой Сальхи былъ убитъ при штурмѣ, а сестра ея Фатима умерла вскорѣ по прибытіи въ Мишенское. Красивую и ловкую Сальху опредѣлили няней къ маленькимъ дочерямъ Бунина, Варварѣ и Екатеринѣ, которыя и учили ее говорить по-русски.

Хотя жены помѣщиковъ привыкли къ вольностямъ своихъ мужей по части женщинъ и должны были часто безропотно сносить существованіе при своихъ властелинахъ цѣлыхъ гаремовъ, но все-таки появленіе въ Мишенскомъ хорошенькой турчанки и несомнѣнное расположеніе, оказываемое ей Афанасіемъ Ивановичемъ, поселило раздоръ между супругами, такъ-что старикъ Бунинъ долженъ былъ поселиться въ сосѣднемъ флигелѣ, гдѣ жила Сальха и куда былъ запрещенъ входъ молодымъ дѣвицамъ, дочерямъ Марьи Григорьевны. Но къ чести послѣдней нужно сказать, что она скоро положила гнѣвъ на милость, и когда родился у Сальхи мальчикъ—будущій поэтъ, Марья Григорьевна, потерявшая своего единственнаго сына, привязалась къ ребенку. Крестной матерью родившагося была дочь Бунина,—впослѣдствіи вышедшая замужъ за Юшкова,—

Варвара Афанасьевна, съ дочерьми которой существовали близкія, дружескія отношенія у поэта во всю его жизнь.

Старики помирились. Ихъ вѣроятно снова сблизило появленіе въ домѣ этого ребенка, на которомъ они сосредоточили свои ласки и заботы. Маленькій «Васенька» сдѣлался любимцемъ семьи: его окружили цѣлымъ штатомъ прислуги, онъ сталъ «господское дитя», въ силу уже этого отгороженное стѣною даже отъ своей матери, которая только урывками могла дарить ему свои ласки. «Патріархальные» нравы не исключали возможности подобныхъ жесткихъ явленій: слишкомъ сильны были кастовыя различія, чтобы даже во имя гуманности можно было забыть о нихъ окончательно. Въ такихъ отношеніяхъ выражалось (въ болѣе конечно слабой степени) то-же самое чувство, которое проявлялось у браминовъ, предпочитавшихъ смерть «нечестивому» прикосновенію къ парію.

Не мало было привлекательнаго и поэтичнаго въ старинной помѣщичьей жизни, въ особенности съ точки зрѣнія лицъ, принадлежавшихъ къ этому привилегированному барскому кругу. Самый уже контрастъ между феодаломъ-помѣщикомъ и покорными ему вассалами-крѣпостными,—которыхъ онъ былъ безграничнымъ властелиномъ,—представляется интереснымъ и способствовавшимъ проявленію, такъ-называемыхъ, «рыцарскихъ чувствъ» со стороны феодаловъ. Не всегда, разумѣется, видѣли въ такомъ порядкѣ отраду вассалы; но нельзя отрицать и того, что въ частныхъ случаяхъ общій фонъ картины значительно скрашивали «патріархальныя» отношенія между помѣщикомъ и крѣпостными. Со стороны барина эта «патріархальность» не исключала однако возможности примѣненія отеческихъ мѣръ, а со стороны холоповъ — примѣрной преданности и благодарности. Эта преданность являлась весьма естественнымъ послѣдствіемъ той вѣковой дрессировки, которой подвергалась крестьянская масса и которая порождала явленія, вызвавшія горькія слова покойнаго поэта «мести и печали»:

Люди холопскаго званія—
Сущіе псы иногда:
Чѣмъ тяжелѣй наказаніе,—
Тѣмъ имъ милѣй господа...

Всѣ эти условія помѣщичьей жизни были на лицо и въ исторіи нашего поэта, но въ болѣе смягченной формѣ. Его

раннее дѣтство прошло въ богатомъ, огромномъ барскомъ домѣ съ толпой прислуги и челяди. Были тутъ и терпѣливыя няни, вродѣ знаменитой няни Пушкина, способныя положить «душу» и жизнь свою за питомцевъ; были и безшабашные дворовые «лодыри»... Огромный садъ шумѣлъ своими вѣковыми деревьями и можетъ-быть тамъ, въ тѣни его, неясно созрѣвали тѣ поэтическія вдохновенія мальчика, которыя потомъ вылились въ чудесныхъ стихахъ. Въ саду были садки, пруды, оранжереи, теплицы; невдалекѣ манила дубовая роща, по долинѣ бѣжалъ ручеекъ, изъ дома и сада виднѣлись луга и нивы, село съ церковью,—манили просторныя дали... Въ этой обстановкѣ проходило дѣтство поэта, и впечатлительный мальчикъ сохранилъ въ душѣ на всю жизнь воспоминаніе о колыбели своего дѣтства—взлелѣявшей его «родинѣ»... Кто не помнитъ этой трогательной дани «родимымъ полямъ» хотя-бы въ слѣдующихъ стихахъ:

...Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что̀ вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,—
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Перебирая всѣ тѣ условія, которыя съ дѣтства питали музу Жуковскаго и забрасывали въ его душу поэтическія сѣмена, давшія впослѣдствіи обильную жатву, нужно остановиться на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Все дѣтство, отрочество и юность поэтъ провелъ среди дѣвочекъ, со многими изъ которыхъ у него на всю жизнь сохранились задушевныя отношенія. Это были его племянницы, дѣти дочерей Марьи Григорьевны. Особенно Жуковскій былъ друженъ съ дѣвочками Юшковыми, изъ которыхъ одна—впослѣдствіи Анна Петровна Зонтагъ—стала извѣстной писательницей. Нѣсколько позже особенная дружба связывала его съ Марьей Андреевной Протасовой, къ которой поэтъ питалъ восторженную привязанность; но романъ съ нею былъ неудаченъ, и это наложило нѣсколько новыхъ элегическихъ штриховъ на поэзію Жуковскаго. Окруженный этими друзьями, изъ которыхъ нѣкоторые отличались чуткостью и

восторженностью, убаюкиваемый ихъ нѣжными заботами и попеченіями, поэтъ рано взрастилъ въ себѣ то—отчасти сентиментально-платоническое уваженіе къ женщинѣ, которое было такъ родственно и многимъ героямъ его балладъ и элегій. Это молодое и восторженное женское общество являлось постоянной аудиторіей поэта: ей онъ повѣрялъ свои вдохновенія, ея одобреніе служило для него критической мѣркой, а восторгъ, съ которымъ встрѣчались ею творенія юноши,—наградой послѣднему. Вся эта ватага молодежи бѣгала по саду, полямъ и лугамъ; среди помянутаго общества, въ разнообразныхъ и живыхъ играхъ, невольно возбуждалось воображеніе, совершался обмѣнъ мыслей и укрѣплялись симпатичныя связи. Стоитъ прочесть письма поэта къ ставшимъ взрослыми членамъ этого дѣтскаго кружка,—письма, исполненныя нѣжной дружбы и, до самой старости Жуковскаго, какой-то трогательной скромности,—чтобъ видѣть, насколько сильны у него были связи съ друзьями дѣтства, а также и чистую, голубиную душу поэта. Укажемъ здѣсь кстати и на то, что упомянутый выше дѣвственный ареопагъ съ раннихъ лѣтъ направлялъ Жуковскаго на путь дѣвственной, цѣломудренной лирики.

Къ шестилѣтнему «Васенькѣ» Афанасій Ивановичъ выписалъ изъ Москвы «нѣмца», котораго вмѣстѣ съ воспитанникомъ помѣстили во флигелѣ. Но этотъ первый опытъ ученія окончился неудачно. Нѣмецъ оказался изъ породы Вральмановъ и считалъ главными педагогическими пособіями розги, практикуя кромѣ того надъ воспитанникомъ порою и тяжелую пытку, весьма впрочемъ употребительную въ учебномъ обиходѣ прошлаго:ставилъ питомца голыми колѣнями на горохъ. Но любимецъ всего дома поднималъ страшный крикъ при примѣненіяхъ этого воспитательнаго артикула, и Вральмана быстро убрали. Опыты крестнаго отца Андрея Григорьевича по части привитія мальчику учености тоже не были особенно удачны: Васенька вмѣсто буквъ рисовалъ грифелемъ на доскѣ, а также и мѣломъ на полу и стѣнахъ разныя фигуры и «рожи». Мы упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ съ цѣлью указать, что еще въ раннемъ дѣтствѣ Жуковскій обнаружилъ талантъ къ живописи и впослѣдствіи, какъ извѣстно, онъ недурно рисовалъ: его акварели, а также и картина масляными красками хранятся у его родственниковъ и друзей.

Съ этими дѣтскими рисовальными упражненіями поэта связанъ случай, о которомъ считаемъ нелишнимъ упомянуть, такъ какъ Васенька въ немъ явился героемъ, переполошившимъ всю дѣвичью; этотъ эпизодъ съ другой стороны указываетъ на религіозность того общества, гдѣ провелъ юношескіе годы поэтъ, что̀ въ свою очередь можетъ служить объясненіемъ искренней религіозности самого Жуковскаго, не оставлявшей его во всю жизнь. Разъ пятилѣтній «Васенька», оставшись въ дѣвичьей одинъ и усѣвшись на полу, принялся срисовывать образъ Божіей Матери. Никто этого не видалъ, а самъ рисовальщикъ, сдѣлавъ рисунокъ, пошелъ къ Марьѣ Григорьевнѣ. Возвратившіяся служанки съ испугомъ и благоговѣніемъ смотрѣли на изображеніе иконы. Онѣ побѣжали къ барынѣ и объявили о «чудѣ». Однако Марья Григорьевна, увидѣвъ запачканныя мѣломъ руки Васеньки, догадалась, въ чемъ дѣло, и разрушила иллюзію «чудеснаго».

Къ этому времени Бунины переселились въ Тулу. Тамъ мальчика стали посылать въ пансіонъ Роде, а на домъ взяли ему репетитора. Однако занятія шли не особенно успѣшно. Вскорѣ отецъ Жуковскаго скончался (въ мартѣ 1791 г.), поручивъ сына заботамъ жены, которая свято сдержала данное мужу обѣщаніе. Считаемъ нелишнимъ отмѣтить гуманное и честное отношеніе Марьи Григорьевны къ питомцу и его матери-турчанкѣ, что̀ указываетъ на Бунину, какъ на добрую и симпатичную женщину. Изъ доставшихся дочерямъ Марьи Григорьевны средствъ она отдѣлила у каждой по 2,500 р., и эти деньги составили капиталъ Жуковскаго.

Осенью этого-же 1791 г. мальчикъ поступилъ къ Роде полнымъ пансіонеромъ; но это его не отрывало отъ семейнаго кружка, къ которому онъ привязался: мальчика часто брали домой, а весною всѣ переѣзжали въ деревню, гдѣ оставались до осени, наслаждаясь вволю деревенскимъ раздольемъ.

Послѣ пансіона Роде Жуковскій учился въ народномъ училищѣ, гдѣ однако тоже неособенно отличался и откуда былъ даже исключенъ за «неспособность». Замѣчательно, что многіе наши писатели, прославившіеся впослѣдствіи какъ оригинальные мыслители и художники, оказывались, по мнѣнію педагоговъ, «неспособными» въ школѣ. Вѣроятно въ этомъ сказывалось отсутствіе интереснаго въ преподававшихся наукахъ, не-

укладывавшихся въ живыя души воспитанниковъ, а съ другой стороны—и неспособность педагоговъ подмѣтить дарованія въ ученикахъ.

Французскимъ и нѣмецкимъ языками Жуковскій занимался дома, вмѣстѣ съ своими родственницами. Тутъ и было положено основаніе тому прекрасному знанію языковъ, которымъ впослѣдствіи отличался поэтъ и которое дало начало его литературной извѣстности.

Домъ Юшковыхъ, гдѣ жилъ въ отроческіе годы Жуковскій, считался однимъ изъ интеллигентныхъ домовъ въ Тулѣ. Сама Варвара Афанасьевна Юшкова,—по отзыву въ запискахъ Болотова,—была «боярыня молодая, очень умная, любопытная и ласковая». Отличаясь музыкальными дарованіями, она устроила у себя литературно-музыкальные вечера, гдѣ собиралось большое общество; здѣсь пѣлись новѣйшіе романсы, читались только-что появившіяся произведенія тогдашней,—правда, убогой,—русской литературы и устраивались спектакли. Здѣсь-то, въ обстановкѣ, способствовавшей раннему умственному развитію, возникли впервые тѣ стремленія къ области художественнаго, которыя были такъ родственны изящной натурѣ Жуковскаго. Здѣсь, въ домѣ своей крестной матери, поэтъ въ 12-тилѣтнемъ возрастѣ выступаетъ уже въ качествѣ драматурга. Онъ написалъ пьесу: «Камиллъ или освобожденіе Рима», гдѣ взялъ себѣ главную роль. Эта пьеса была приготовлена къ пріѣзду его пріемной матери, Марьи Григорьевны, которая осталась очень довольна выдумкой мальчика. Жуковскій удостоился шумнаго одобренія. Въ указанномъ обстоятельствѣ можно было уже до извѣстной степени видѣть предзнаменованіе дальнѣйшихъ успѣховъ поэта на литературномъ поприщѣ.

Самая наружность Жуковскаго въ дѣтствѣ тоже обѣщала въ немъ незауряднаго человѣка. По разсказамъ знавшихъ его, онъ былъ мальчикъ ловкій и стройный. Изъ подъ черныхъ рѣсницъ блистали умомъ большіе каріе глаза, черныя брови рѣзко выдѣлялись подъ большимъ лбомъ. Густые, длинные черные волосы вились по плечамъ. Пріятная улыбка, оживленное румянцемъ лицо, какая-то особенная мечтательность во взглядѣ—все это вмѣстѣ съ симпатичнымъ и добродушнымъ характеромъ привлекало къ мальчику. Нужно замѣтить, что всѣ

эти качества и впослѣдствіи дѣйствовали притягательно на знавшихъ поэта.

Какъ многіе дворяне того времени, Жуковскій былъ пріобщенъ и къ военному дѣлу. Еще ребенкомъ онъ былъ записанъ въ гусарскій полкъ сержантомъ, а въ 1789 г. произведенъ въ прапорщики и даже принятъ (конечно на бумагѣ) въ штатъ генерала Кречетникова младшимъ адъютантомъ, что̀ являлось весьма быстрой карьерой для Жуковскаго, котораго впрочемъ вскорѣ отставили отъ службы «по прошенію», «безъ награжденія чиномъ». Такой странный послужной списокъ миролюбиваго поэта не долженъ удивлять насъ по отношенію къ обильному всякими чудесами тогдашнему времени. Тогда было привилегіей дворянъ записываться въ военную службу и повышаться въ чинахъ,—иногда до довольно высокихъ ранговъ,—мирно качаясь въ люлькѣ или играя въ лошадки, подъ присмотромъ нянекъ, въ дѣтской.

Неудачное ученіе Жуковскаго, а также и традиціи того времени, считавшія военную службу самой почетной для представителей «высшаго сословія», заставили родныхъ Жуковскаго вновь подумать о его уже дѣйствительномъ опредѣленіи въ какой нибудь полкъ. Въ этомъ взялся помочь знакомый родственниковъ поэта, маіоръ Постниковъ. Мальчика одѣли въ мундиръ и отправили съ маіоромъ въ Петербургъ. Здѣсь поэтъ видѣлъ зрѣлище, воспоминаніе о которомъ надолго удержалось въ его памяти. Ему достали въ Зимнемъ дворцѣ, на хорахъ, во время большого выхода мѣсто, откуда онъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни увидѣлъ императрицу Екатерину II и ея блестящій дворъ. Можетъ-быть къ этому моменту, поразившему живое воображеніе мальчика, относятся строфы изъ извѣстнаго стихотворенія «Царскосельскій лебедь», въ которомъ поэтъ изображаетъ какъ бы себя:

Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ Лебединый,
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины!

Но Жуковскому не пришлось быть военнымъ на этотъ разъ: воцарившійся вскорѣ Павелъ I, какъ извѣстно, отмѣнилъ пріемъ въ войска малолѣтнихъ. Мальчикъ пробылъ съ Постниковымъ въ Кексгольмѣ, среди военныхъ, два мѣсяца и затѣмъ вернулся въ Тулу. Ему все-таки за время этой поѣздки съ маіо-

ромъ пришлось видѣть нѣсколько любопытныхъ военныхъ эпизодовъ; такъ, онъ видѣлъ «бога войны» Суворова, котораго встрѣчали пушечной пальбой съ бастіоновъ крѣпости.

Наконецъ послѣ этого неудачнаго опыта попасть въ военные,—совсѣмъ неподходящее назначеніе для мирнаго любимца «музъ и грацій»,—Жуковскаго опредѣлили въ 1797 г. въ Москву, въ «Благородный университетскій пансіонъ», бывшій привилегированнымъ заведеніемъ для тѣхъ дворянъ, которые не считали образованія лишнимъ бременемъ для представителей высшаго сословія. Это заведеніе при старѣйшемъ русскомъ университетѣ дало, какъ извѣстно, для того, бѣднаго образованными людьми, времени болѣе или менѣе извѣстныхъ дѣятелей. Въ жизни Жуковскаго оно имѣло важное значеніе. Запросы, таившіеся въ талантливой натурѣ отрока, могли найти здѣсь, при общеніи съ товарищами, при слушаніи курса наукъ, среди интеллигентнаго общества, желаемые отвѣты. Съ этимъ поступленіемъ въ Благородный пансіонъ началась новая полоса въ жизни поэта. Но эта новая полоса не изгладила въ душѣ старыхъ впечатлѣній. Ранній періодъ жизни Жуковскаго,—среди раздолья природы, при свойственной мальчику мягкости и сердечности,—среди милыхъ сердцу дѣтей, «златыя игры» съ которыми были такъ ему дороги и свѣтлое воспоминаніе о которыхъ сохранилось на всю жизнь,—оставилъ неизгладимыя черты въ душѣ поэта. Того, что̀ было такъ дорого сердцу и съ чѣмъ оно сжилось какъ съ роднымъ и необходимымъ, не могла заглушить болѣе живая умственная жизнь, въ которую поэтъ окунулся въ Москвѣ. Въ этомъ прошломъ все было дорого: «холмы, поля родныя», милые товарищи «златыхъ игръ» и даже минувшія печали, свѣтлая меланхолія которыхъ сквозитъ въ прекрасныхъ пѣсняхъ Жуковскаго и при воспоминаніи о которыхъ такъ томительно сладостно сжималось его сердце... И мы не даромъ видимъ, что во всю послѣдующую жизнь поэта мечта его во многихъ произведеніяхъ летитъ къ этому прекрасному минувшему, къ очаровательному *прежде*... Во многихъ письмахъ къ товарищамъ этого минувшаго звучатъ захватывающая искренность и любовь къ нему, ясно указывающія, какъ дорога была поэту пролетѣвшая дивнымъ сномъ ранняя пора жизни...

II.

Благородный пансіонъ, служба и литература.

Обиліе наукъ въ Пансіонѣ.—Сушь и схоластика науки.—«Собраніе воспитанниковъ пансіона».—Организація ихъ и предметы занятій.—Задатки религіозности у Жуковскаго.—Семья Тургеневыхъ.—Первые печатные опыты.—Знаніе языковъ.—Заработокъ переводами.—Служба въ Соляной конторѣ.—Выходъ въ отставку и жизнь въ Мишенскомъ. Заботы о самообразованіи.—Русская литература того времени.—«Дѣвственный ареопагъ» Мишенскаго.—«Сельское кладбище».—«Парнасъ» и «Зевсъ».—Успѣхъ «Сельскаго Кладбища».—Субъективное въ поэзіи Жуковскаго.—Семья Протасовыхъ.—Бѣлевъ и занятія съ Протасовыми.—Завязка печальнаго романа.—Мерзляковъ.—Карамзинъ.—Приглашеніе Жуковскаго въ редакторы «Вѣстника Европы».

Въ «Благородномъ университетскомъ пансіонѣ», куда поступилъ Жуковскій, преподавалось безчисленное количество всевозможныхъ наукъ; въ программу входили даже такіе предметы, какъ артиллерія, миѳологія и «сельское домоводство». Но конечно это обиліе предметовъ дѣлало только то, что воспитанники большей частью ничего не знали,—и нашъ величайшій поэтъ имѣлъ полное право сказать про тогдашнее ученіе:

Всѣ мы учились понемногу—
Чему-нибудь и какъ-нибудь...

Когда знакомишься съ широчайшей программой Благороднаго пансіона, то невольно думаешь о томъ перемѣнчивомъ состояніи, въ которомъ у насъ обрѣталось просвѣщеніе въ прежнее время; иногда мы видимъ обиліе предметовъ даже тамъ, гдѣ этого, имѣя въ виду извѣстныя цѣли заведенія, совсѣмъ не было нужно; но вдругъ стоило только появиться въ качествѣ заправилъ дѣла лицамъ вродѣ Рунича и Магницкаго,—преподаваніе многихъ необходимыхъ и притомъ даже скромныхъ наукъ считалось «богомерзкимъ», а философія и право являлись явно подрывающими всякія основы общества.

Конечно Жуковскій не могъ обнять въ пансіонѣ всей бездны премудрости,—а въ особенности наукъ математическихъ, которыя не давались ему еще и въ Тулѣ. Онъ предпочтительно

углубился въ «словесность». Такъ какъ сестра Жуковскаго Юшкова была знакома съ Тургеневымъ, директоромъ университета, то поэтъ получилъ доступъ въ домъ Тургеневыхъ, былъ другомъ этой замѣчательной семьи и товарищемъ по Пансіону Андрея и Александра Ивановичей Тургеневыхъ. Кромѣ нихъ, пріятелями его состояли еще графъ Блудовъ, Дашковъ, Уваровъ и другіе, впослѣдствіи извѣстные общественные дѣятели и сочлены «Арзамаса».

Сушь и схоластика преподаванія не могли конечно удовлетворить мечтательной натуры Жуковскаго, уже на зарѣ юности порывавшагося въ міръ живыхъ грезъ и идеаловъ, какъ не удовлетворялись этой казенной наукой и многіе товарищи поэта. Не могли не видѣть неудовлетворительности постановки учебнаго дѣла и наиболѣе добросовѣстные изъ руководителей Благороднаго пансіона, къ числу которыхъ принадлежалъ завѣдывавшій заведеніемъ во время пребыванія тамъ Жуковскаго — Прокоповичъ-Антонскій. Съ цѣлью дать болѣе осмысленныя занятія ученикамъ въ средѣ ихъ было основано литературное общество или «собраніе воспитанниковъ университетскаго Благороднаго пансіона». Были организованы засѣданія, происходили споры, продолжавшіеся за позднимъ ужиномъ и переносившіеся даже въ спальни воспитанниковъ.

Жуковскій вскорѣ выдѣлился среди своихъ сверстниковъ какъ на этихъ собраніяхъ, такъ и на актахъ, гдѣ воспитанники читали рѣчи и стихотворенія. Стихи писались,—какъ это часто практиковалось въ то время господства сентиментализма и «псевдо-классицизма»,—на высокопарныя и возвышенныя темы, вродѣ слѣдующей: «Ода на благоденствіе». Изъ данныхъ акта 1798 г. видно, что Жуковскій считался изъ «первыхъ воспитанниковъ-директоровъ концертовъ и другихъ забавъ»; онъ, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Костомаровымъ, большинствомъ голосовъ всѣхъ питомцевъ признанъ «лучшимъ въ ученіи и поведеніи».

Въ собраніяхъ читались рѣчи, производился критическій разборъ сочиненій учениковъ и переводовъ. Много времени и досуговъ, а также и часть классныхъ занятій посвящались приготовленіямъ къ собраніямъ. Молодыя самолюбія возбуждались, воображеніе и умъ работали, чтобъ отличиться на этихъ

борищахъ, успѣхъ на которыхъ опредѣлялъ значеніе учениковъ въ заведеніи.

Жуковскій былъ первымъ предсѣдателемъ собранія изъ воспитанниковъ. Онъ открылъ его рѣчью при многочисленныхъ слушателяхъ. Въ числѣ послѣднихъ бывали и титулованныя извѣстности, заѣзжали извѣстный И. И. Дмитріевъ и Карамзинъ.

Дмитріевъ обратилъ особенное вниманіе на молодого поэта, пригласилъ его къ себѣ, узналъ и полюбилъ, хотя и не пропускалъ недостатковъ произведеній юноши безъ строгихъ замѣчаній; Жуковскій съ «задумчивымъ безмолвнымъ умиленіемъ» ихъ выслушивалъ, а про Дмитріева выражался, что тотъ «сорвалъ передъ нимъ покровъ поэзіи».

Изъ одного случайно сохранившагося протокола помянутыхъ собраній видно, какія разнообразныя происходили на нихъ занятія. Такъ, «предсѣдатель» Жуковскій открылъ засѣданіе рѣчью: «О началѣ общества, распространеніи просвѣщенія и объ обязанностяхъ каждаго человѣка относительно къ обществу». Читаны были стихи и переводы участниковъ; Тургеневъ декламировалъ стихи Державина; Жуковскій прочелъ критическія замѣчанія на сочиненіе одного изъ воспитанниковъ: «Нѣчто о душѣ». Нужно замѣтить еще, что въ пансіонѣ нерѣдко устраивались и драматическія представленія: такъ, давались напримѣръ «Разбойники».

Эти публичные споры и обсужденія разнообразныхъ предметовъ, гдѣ невольно изощрялась наблюдательность, вырабатывалось краснорѣчіе, умъ обогащался свѣдѣніями,—должны были имѣть благотворное вліяніе на воспитанниковъ, въ томъ числѣ и на Жуковскаго: они дали несомнѣнный толчокъ той творческой силѣ, которая еще съ дѣтства таилась въ душѣ поэта и ждала только подходящихъ условій, чтобъ выразиться въ обильныхъ произведеніяхъ.

Съ другой стороны нужно сказать, что обстановка Жуковскаго въ пансіонѣ могла только укоренить тѣ религіозные, меланхолическіе задатки, которые жили еще съ дѣтскихъ лѣтъ въ его душѣ и которые потомъ выразились въ крайнемъ піэтизмѣ и въ такихъ взглядахъ на общественныя и историческія явленія, которые заключали въ себѣ очень мало прогрессивнаго.

Мы видѣли, что Жуковскій росъ въ религіозной семьѣ, гдѣ соблюденіе обрядовъ считалось безусловно необходимой обязанностью. Ребенкомъ онъ часто ходилъ въ церковь, слушалъ тамъ пѣвчихъ, цѣловалъ образа и херувима на царскихъ вратахъ ихъ сельской церкви. Его душу, склонную отъ природы къ умилительнымъ созерцаніямъ, настраивали на религіозный ладъ тѣ поминальныя службы по его отцѣ, которыя справлялись цѣлый годъ въ ихъ сельскомъ храмѣ. Особенность его положенія въ семьѣ Буниныхъ, гдѣ онъ все-таки былъ «пріемышъ», тоже давала пищу для меланхолическихъ размышленій, естественнымъ переходомъ для которыхъ является религіозное настроеніе и обращеніе опечаленной души къ Высшему Существу, способному устроить «все къ лучшему». Въ этихъ далекихъ, но могучихъ впечатлѣніяхъ дѣтства, рѣзкими чертами запечатлѣвающихся въ сердцѣ, нужно искать не мало причинъ тѣхъ мистическихъ и сентиментальныхъ произведеній, которыми изобиловала поэзія Жуковскаго.

Пребываніе въ пансіонѣ не могло особенно ослабить первоначальнаго настроенія. Съ одной стороны разлука съ «милыми холмами» настраивала на печальный ладъ; въ Московскомъ университетѣ еще дѣйствовали члены «дружескаго общества»,—поэтъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ домомъ Тургеневыхъ, знакомъ съ Лопухинымъ и Карамзинымъ; многіе изъ близкихъ ему были масоны; къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Прокоповичъ-Антонскій, наставникъ Жуковскаго, до конца жизни не оставившій привычки знаменательно пожимать руки встрѣчныхъ и выщупывать отъ нихъ безмолвный масонскій отвѣтъ. Вліяніе этихъ людей, мистиковъ и піэтистовъ, падало на достаточно подготовленную почву въ душѣ Жуковскаго. Съ другой стороны и иностранная литература, съ которой теперь началъ обстоятельно знакомиться поэтъ, въ очень многихъ произведеніяхъ являлась сентиментальной и мистической,—и муза Жуковскаго черпала оттуда полнымъ ковшомъ родственные душѣ поэта мотивы.

Какъ извѣстно, въ общественныхъ условіяхъ той эпохи было не мало причинъ, способствовавшихъ мистицизму и піэтизму современниковъ. Разочаровавшись въ прелестяхъ окружающей жизни, видя кругомъ себя не мало тяжелыхъ сценъ, люди невольно отдавались туманнымъ абстрактностямъ или ре-

лигіозности, чтобъ забыться *тамъ*, въ мистической области, *«горѣ»*—отъ земной юдоли... Было мрачное царствованіе Павла I. Россію, по возможности во всѣхъ углахъ, закупоривали отъ «тлетворнаго Запада», отъ чего-бы то ни было, напоминавшаго «прогрессъ», развитіе и проч. Эти слова считались страшнѣе жупела. Запрещены были круглыя шляпы, цвѣтные галстухи, изъ русскаго языка изъяты цѣлыя кучи словъ, и употребленіе ихъ грозило наказаніемъ провинившемуся. Ввозъ иностранныхъ книгъ и держаніе ихъ книгопродавцами запрещались. Люди «посократились», попрятались; въ Москвѣ зорко слѣдилъ за обывателями строгій оберъ-полиціймейстеръ Эртель. При такихъ условіяхъ только и возможно было писать «Оды добродѣтели» и «Мысли на кладбищѣ»: для живого мало оставалось мѣста въ жизни.

Но невыгодныя условія, въ которыхъ тогда находились привозъ и продажа иностранныхъ книгъ на родинѣ, до извѣстной степени помогли Жуковскому на его жизненномъ пути. Эти условія позволили ему утилизировать пріобрѣтенное въ пансіонѣ знаніе иностранныхъ языковъ. Потребность въ чтеніи въ обществѣ чувствовалась,—хотя и небольшая,—и предъявлялся спросъ на иностранныхъ авторовъ; но держать ихъ сочиненія, какъ мы сказали, не позволялось книгопродавцамъ,—отсюда явилась необходимость переводовъ, что́ позволило Жуковскому имѣть и заработокъ, и увѣриться въ своихъ силахъ,—условіе, весьма благопріятное для дальнѣйшей дѣятельности.

Первые печатные опыты Жуковскаго на литературномъ поприщѣ относятся къ начальному году его пребыванія въ пансіонѣ. Въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» была напечатана его статья въ прозѣ: «Мысли у могилы», съ подписью: «Сочинилъ Благороднаго университетскаго пансіона воспитанникъ Василій Жуковской...» Неправдали, какимъ архаизмомъ вѣетъ отъ этихъ пространныхъ заглавій и подписей, которыми такъ отличались произведенія тогдашняго времени?

Второе печатное произведеніе поэта было въ стихахъ: «Майское Утро». До 1801 г. напечатанъ былъ рядъ его статеекъ и стиховъ, въ томъ числѣ стихотвореніе: «Платону неподражаемому, достойно славящему Господа».

Всѣ эти произведенія,—хотя въ нихъ и обнаружились уже

зачатки тѣхъ поэтическихъ мыслей, которыя впослѣдствіи съ большимъ изяществомъ и стройностью формы высказывалъ Жуковскій,—были тяжеловѣсны, стихъ въ нихъ неуклюжъ, обороты казенные, и вообще все это мало напоминаетъ того поэта, про «плѣнительную сладость стиховъ» котораго возвѣстилъ Пушкинъ.

Знаніе языковъ помогло Жуковскому пополнять свои скудныя карманныя деньги. Въ 1801 году онъ перевелъ романъ Коцебу «Мальчикъ у ручья». Книгопродавецъ заплатилъ за него 75 рублей, что представляло «солидный» гонораръ для того времени. Кромѣ этого поэтъ переводилъ романы Шписа и пьесы Коцебу. Уѣзжая на лѣтнія вакаціи въ «милое» Мишенское, Жуковскій возилъ туда свои труды, и благосклонный ареопагъ его слушательницъ, приходившій въ восторгъ отъ произведеній друга «златыхъ лѣтъ» юности, поддерживалъ и поощрялъ поэта къ дальнѣйшей дѣятельности. Какъ мы раньше сказали, Жуковскій привыкъ отдавать свои произведенія на судъ этого ареопага съ самаго начала своей поэтической дѣятельности.

Служба, какъ извѣстно, являлась фатальнымъ удѣломъ для многихъ знаменитыхъ дѣятелей русской литературы. И судьба, какъ нарочно, давала тамъ очень странныя занятія нашимъ излюбленнымъ писателямъ: Гоголя она опредѣлила въ департаментъ—подшивать бумаги, причемъ искусившійся въ этомъ дѣлѣ «чинуша» третировалъ автора «Мертвыхъ Душъ», какъ совершенно «пустяковаго» человѣка, неспособнаго даже «подшить» бумаги. На Пушкина судьба напялила камеръ-юнкерскій мундиръ, въ которомъ такъ неловко себя чувствовалъ великій поэтъ. Одинаково страннымъ должно показаться намъ и то обстоятельство, что Жуковскій по окончаніи студенческаго экзамена опредѣлился на службу въ московскую контору Соляныхъ дѣлъ. Онъ впослѣдствіи самъ потѣшался надъ своей должностью, и мы лишь съ трудомъ можемъ себѣ представить цѣломудренно-дѣвственнаго поэта,—меланхолическаго пѣвца «дубравъ и полей»,—среди «приказныхъ строкъ», которыми кишѣли тогдашнія служебныя мѣста.

Но служба конечно не могла удовлетворить поэта, и уже въ 1802 г. онъ вышелъ въ отставку и въ апрѣлѣ возвратился въ Мишенское.

Здѣсь Жуковскій вступаетъ въ новую фазу своей жизни: онъ посвящаетъ много времени самообразованію, приготовляясь къ тому литературному служенію, о которомъ не переставалъ мечтать. Пріобрѣтенная имъ въ Москвѣ библіотека была очень полезна для него. Въ спискѣ его книгъ встрѣчается, кромѣ французской энциклопедіи Дидро, масса произведеній французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ авторовъ. Жуковскій былъ несомнѣнно человѣкъ начитанный и образованный. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ напримѣръ заглянуть хотя-бы въ недавно-напечатанныя записки Смирновой; въ ея салонѣ, гдѣ собирался цвѣтъ тогдашней литературы, дебатировались всевозможные вопросы, начиная отъ «тайнъ неба и земли» и кончая самыми запутанными историческими явленіями, причемъ и Жуковскій являлся нерѣдко въ качествѣ оракула при разрѣшеніи возбужденныхъ вопросовъ.

Къ періоду пребыванія Жуковскаго въ пансіонѣ относится его знакомство и сильное увлеченіе нѣмецкой литературой. Мы позже скажемъ о произведеніяхъ Жуковскаго и его значеніи, какъ поэта. Здѣсь-же укажемъ лишь на то, что первые толчки къ ознакомленію его съ литературой нѣмецкой далъ Андрей Ивановичъ Тургеневъ, страстно любившій Шиллера и Гёте. «Это было чистое, исполненное любви къ прекрасному сердце»,—«душа всѣхъ радостей нашего кружка»—такъ отзывается Жуковскій объ этомъ рано умершемъ своемъ даровитомъ товарищѣ. Вообще братья Тургеневы слыли «записными нѣмцами».

Русская литература того времени, когда выступалъ Жуковскій, поражала своей скудостью и незначительностью. Мало культурное русское общество, отсутствіе мало-мальски обширнаго круга читателей, политическія и общественныя условія,—все это конечно не способствовало расцвѣту мысли и появленію талантовъ. И русская литература по преимуществу питалась крупицами, падавшими съ роскошнаго стола болѣе культурныхъ народовъ: она шла на буксирѣ европейской мысли, усваивая впрочемъ часто въ ней самое поверхностное, а нерѣдко и извращая ея духовное содержаніе, — примѣнительно къ жизни тогдашняго полу-азіатскаго русскаго общества. Ко времени появленія Жуковскаго, какъ извѣстно, наша литература (если только можно назвать этимъ именемъ

тогдашнее ничтожное количество печатныхъ памятниковъ мысли) пережевывала главнымъ образомъ псевдо-классическую жвачку, заимствованную съ Запада. Эта литература, не имѣвшая никакого отношенія къ дѣйствительной жизни, трескучая и фальшивая, становилась невыносимо скучной въ своихъ русскихъ подражаніяхъ. Европа уже пресытилась этой неудобоваримой пищей, но мы еще продолжали питаться ею: какъ извѣстно, мы всегда запаздывали перенимать отъ Запада и обыкновенно брали къ себѣ уже то, что въ Европѣ было давно забраковано.

Жуковскій, даже въ обществѣ Тургеневыхъ и Карамзина, въ отношеніи знакомства съ литературой Запада, явился однимъ изъ передовыхъ людей. Скудость мотивовъ русской поэзіи и отсутствіе содержанія въ русской общественной жизни невольно заставляли обращать вниманіе на литературное богатство Запада. И немудрено, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ воспитался Жуковскій, и при дѣйствовавшихъ на него вліяніяхъ онъ остановился на сентиментальныхъ произведеніяхъ.

Первая вещь, прославившая имя поэта и сдѣлавшая его извѣстнымъ, была переводъ меланхолической элегіи Грея: «Сельское Кладбище». Довольно странное зрѣлище представляетъ Жуковскій,—веселый, юмористичный и добродушный, по всеобщимъ отзывамъ, и однако въ свою раннюю пору останавливающійся съ такимъ упорствомъ на мысляхъ «о смерти», кладбищахъ и «тщетѣ всего земного». Но, какъ мы уже ранѣе видѣли, въ душѣ поэта было много задатковъ для такого сорта поэтическихъ изліяній.

Мишенское «дѣвственное общество» съ восторгомъ отнеслось къ этому произведенію, написанному на его глазахъ и сперва конечно поднесенному на разсмотрѣніе «ареопага». Пригорокъ, на которомъ поэтъ получалъ свои вдохновенія, его сельскіе друзья называли «Парнасомъ». Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что «псевдо-классическое» и связанное съ нимъ знакомство съ миѳологіей на столько считались въ то время модными, что употребленіе разныхъ миѳологическихъ терминовъ было обычной принадлежностью современныхъ писемъ и разговоровъ. Даже десятилѣтняя Авдотья Петровна Елагина въ письмахъ называла Жуковскаго: «Юпитеръ моего сердца», а

Карамзина юная мишенская компанія величала: «Зевсомъ литературнаго Олимпа».

На судъ къ этому «Зевсу» была отослана элегія, и въ Мишенскомъ съ сердечнымъ трепетомъ ожидали приговора: «Зевсъ» похвалилъ стихи, и они были напечатаны въ VI книгѣ «Вѣстника Европы» 1802 г. Удача глубоко обрадовала поэта и была сильнымъ импульсомъ для его дальнѣйшаго литературнаго подвижничества.

По отзывамъ современниковъ, это стихотвореніе имѣло большой успѣхъ и сразу поставило автора въ разрядъ лучшихъ поэтовъ родины. Дѣйствительно, нужно только знать тогдашнія поэтическія произведенія,—ихъ сушь и фальшь, неуклюжесть формы,—чтобъ понять впечатлѣніе, произведенное «Сельскимъ Кладбищемъ». Красивые, звучные стихи, прекрасныя описанія природы и изображеніе различныхъ состояній человѣческой души, вмѣстѣ съ лежавшимъ на всемъ произведеніи томнымъ, мягкимъ колоритомъ,—все это должно было дѣйствовать умилительно на неизбалованное литературными перлами ухо читателей.

Слѣдующіе годы Жуковскій проводилъ то въ Мишенскомъ, то въ Кунцовѣ, близъ Москвы, у Карамзина, который радушно принималъ поэта. Къ этому-же времени относится пріобрѣтеніе имъ многихъ знакомствъ, въ томъ числѣ съ Васильемъ Ивановичемъ Кирѣевскимъ, отцомъ извѣстныхъ славянофиловъ братьевъ Кирѣевскихъ. Новый знакомый поэта былъ женатъ на подругѣ его юности, Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой (впослѣдствіи Елагиной). Мы не будемъ перечислять здѣсь произведеній Жуковскаго, относящихся къ этому періоду его жизни: произведенія эти не обладаютъ особенными достоинствами и мало прибавляютъ интереснаго къ характеристикѣ поэта-романтика.

Но послѣдовавшіе непосредственно за этимъ годы имѣютъ большое значеніе въ жизни поэта и помогаютъ понимать многое въ меланхолическихъ аккордахъ его лиры.

Правы тѣ біографы, которые, признавая въ лицѣ Жуковскаго искренняго лирика, выражавшаго въ стихахъ свои наболѣвшія чувства и передуманныя мысли, ставятъ его поэзію въ тѣсную связь съ его жизнью. Дѣйствительно, въ жизни поэта были обстоятельства весьма печальныя для него: это «несчастная» или даже—если быть ригористомъ—«преступ-

ная» любовь Жуковскаго къ его племянницѣ, Марьѣ Андреевнѣ Протасовой,—любовь, которая не могла придти къ вожделѣнному концу, т. е. браку влюбленныхъ, благодаря суровому, исполненному формальной религіозности, взгляду на этотъ вопросъ матери любимой дѣвушки.

Екатерина Афанасьевна, младшая дочь Бунина, вышла замужъ за Протасова; у нея были двѣ дочери: старшая Марія и младшая Александра, впослѣдствіи вышедшая замужъ за извѣстнаго А. Ф. Воейкова (автора «Сумасшедшаго Дома»). Несчастная любовь къ Марьѣ Андреевнѣ, съ которой поэтъ сдружился съ юныхъ лѣтъ и съ которой имѣлъ, какъ любили тогда говорить, «сродство душъ»,—составляла рану Жуковскаго; рана эта часто растравлялась и являлась, какъ упомянуто нами и ранѣе, одной изъ причинъ того меланхолическаго тумана его поэзіи, который придаетъ однообразный колоритъ многимъ его произведеніямъ.

Дружеское сближеніе съ сестрами Протасовыми относится къ годамъ, непосредственно послѣдовавшимъ за «Греевой» элегіей и началомъ литературной дѣятельности Жуковскаго. Чтобы ни говорили о глупой «сентиментальности» такихъ продолжительныхъ платоническихъ отношеній влюбленныхъ, позволявшихъ имъ ворковать на протяженіи цѣлаго десятка лѣтъ,— но кто познакомится съ перепиской Жуковскаго съ Протасовой, тотъ почувствуетъ въ ней милую струю свѣтлаго и идеалистическаго чувства и услышитъ трогательную жалобу неполучившаго должнаго счастья сердца, насмѣшка надъ которыми была-бы кощунствомъ... Такъ теперь не пишутъ и, право, чѣмъ-то благоуханнымъ вѣетъ съ этихъ страницъ, продиктованныхъ нѣжнымъ влеченіемъ сердца и свѣтлыми воспоминаніями юности. Подобныя-же черты сквозятъ и въ той корреспонденціи людей сороковыхъ годовъ, которая печаталась въ послѣднее время въ «Русской Мысли».

Въ 1805 г. Екатерина Афанасьевна овдовѣла и переселилась изъ своей деревни (Муратово) въ Бѣлевъ, гдѣ и жила скромно съ дочерьми. Какъ женщина умная, она сознавала, что дѣтямъ необходимо дать образованіе. Жуковскій, жившій въ Мишенскомъ и видѣвшій разстроенныя дѣла Екатерины Афанасьевны, взялся помогать ей въ дѣлѣ образованія доче-

рей, къ чему его конечно склоняло и влеченіе къ симпатичнымъ дѣвочкамъ. Дѣйствительно, по разсказамъ знавшихъ ихъ современниковъ, это были прекрасныя существа, рано оставившія «юдоль плача»... Жуковскій, принимавшійся обыкновенно серьезно за всякое дѣло и желавшій во всякой области знанія «объять необъятное», за что́ удостоивался отъ друзей добродушныхъ насмѣшекъ,—составилъ обширный педагогическій планъ. При обученіи своихъ воспитанницъ онъ хотѣлъ пополнять и расширять собственное образованіе Каждый день поэтъ ходилъ изъ Мишенскаго въ Бѣлевъ—заниматься или читать на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Въ программу занятій входилъ обширный кругъ предметовъ, начиная съ философіи и кончая живописью. Поэты читались сначала сравнительно для того, чтобы отмѣтить достоинства ихъ; съ другой стороны, былъ и порядокъ чтенія хронологическій, чтобы опредѣлить связь писателя съ породившимъ его вѣкомъ.

Это преподаваніе, продолжавшееся около 3-хъ лѣтъ, естественно поселило дружескія влеченія учёницъ къ учителю, а въ мягкую, поэтическую душу Жуковскаго заронило то чувство, которое заставило его познать «горечь и сладость бытія». Тутъ-то зародилась та любовь, которая окрасила меланхолическимъ колоритомъ будущее нашего поэта. Вспоминая эти дни въ любимыхъ родныхъ мѣстахъ, поэтъ говоритъ:

О, дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!

На это сердечное влеченіе къ Марьѣ Андреевнѣ указываютъ многія произведенія того, а также и послѣдующаго времени, гдѣ поэтъ говоритъ про «печальный свой жребій». Такъ въ посланіи къ «Филалету» (А. И. Тургеневу) поэтъ сообщаетъ:

Любовь... Но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья!

Жуковскій и тогда еще предчувствовалъ, зная непоколебимый характеръ Екатерины Афанасьевны, что она не согласится на его бракъ съ ея дочерью, и это, такъ обижавшее сердце поэта, «благочестіе» суровой матери впослѣдствіи даже у благодушнаго пѣвца «Свѣтланы» вызывало невольное

осужденіе. Въ упомянутомъ-же посланіи къ «Филатету» онъ, нѣсколько высокопарно выражаясь, говоритъ, что отдалъ-бы жизнь за то, «чтобы искупить счастье той,

Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!

Но печаль и тоска въ такомъ кипучемъ возрастѣ, какъ тогдашніе годы Жуковскаго, не могутъ безраздѣльно завладѣть сердцемъ. Это было-бы явленіемъ прямо болѣзненнымъ, а Жуковскій былъ человѣкъ здоровый, желудокъ котораго, по его собственному выраженію, никогда не капризничалъ... У него подъ рукою находилась громадная литература,—міръ возвышенныхъ и поэтическихъ грезъ захватывалъ волною горячую голову; кругомъ красовалась «очаровательная» природа, съ которой еще съ дѣтства сроднился поэтъ; у него было много знакомыхъ: онъ проживалъ то въ Мишенскомъ, то въ Бѣлевѣ, то разъѣзжалъ по друзьямъ, а иногда и они къ нему наѣзжали. Еще въ 1802 г. Жуковскій сблизился съ Мерзляковымъ, извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета. Мерзляковъ посѣщалъ пріятеля въ Бѣлевѣ; въ одномъ изъ писемъ перваго мы видимъ, что «храмина» Жуковскаго стояла на крутомъ берегу Оки, откуда открывались прекрасные и широкіе виды.

И общество, и поэтическая обстановка, въ которой жилъ поэтъ, и его связи, вмѣстѣ съ той литературой, которая составляла его умственную пищу,—все это побуждало и самого Жуковскаго «творить». Онъ переводитъ и печатаетъ »Донъ Кихота», «Гимнъ», «Мальвину», «Идиллію», басни и стихи Флоріана, Лафонтэна и др. Къ этому-же времени относится и его большее знакомство съ Шиллеромъ, къ которому впослѣдствіи онъ такъ привязался. Въ трагедіи «Валленштейнъ» его плѣнялъ чудный образъ Теклы. Разъ, послѣ чтенія съ ученицами этой трагедіи, онъ набросалъ пѣсню Теклы, назвавъ ее: «Тоска по миломъ». Вотъ конецъ этой пѣсни:

Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ,
Пускай-же драгое въ слезахъ оживетъ!
Любовь, ты погибла, ты, радость, умчалась,
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась!

Послѣднія строки этого стихотворенія и Жуковскій, и его ученицы очень часто и устно, и письменно повторяли.

Въ 1807 г. Жуковскій особенно усердно сотрудничаетъ въ «Вѣстникѣ Европы», редакторомъ котораго онъ становится въ слѣдующемъ году.

«Вѣстникъ Европы», какъ извѣстно, подъ редакціей Карамзина пріобрѣлъ славу и сравнительно большое распространеніе. Но въ 1803 г. Карамзинъ оставилъ журналъ, будучи назначенъ исторіографомъ Государя. Въ это время онъ занялся главнымъ трудомъ своей жизни—«Исторіей Государства Россійскаго», а изданіе «Вѣстника Европы» перешло сначала къ Панкратію Сумарокову, при которомъ журналъ утратилъ свою популярность, а затѣмъ—къ профессору Каченовскому. Карамзинъ и другіе пріятели Жуковскаго, видя въ послѣднемъ крупнаго писателя и поэта, вызвали его для руководительства изданіемъ. Жуковскій, мечтая о «славѣ» и большихъ дѣяніяхъ и питая широкіе литературные планы, воспользовался предложеніемъ друзей и въ 1808 г. переселился въ Москву. Съ обычной серьезностью принялся онъ за дѣло и въ нѣсколькихъ статьяхъ выразилъ свой взглядъ на призваніе и обязанности писателя:—любить истинное и прекрасное, умѣть ихъ изображать, стремиться къ нимъ самому и силою краснорѣчія увлекать къ идеаламъ другихъ,—вотъ благородное назначеніе писателя, по мнѣнію Жуковскаго. Затѣмъ въ письмѣ къ Филалету «о нравственной пользѣ поэзіи» онъ говоритъ на ту-же тему:

«Поэтъ долженъ усыплять воображеніе не со вредомъ разсудку... онъ долженъ живописать любовь, не дѣлая привлекательнымъ ни чувственности, ни сладострастія .. Если онъ и описываетъ чувства и страсти, которыя отвергаетъ разсудокъ, если и украшаетъ характеры недостойные цвѣтами поэзіи, то онъ не долженъ обращать эти моральные недостатки въ совершенное моральное безобразіе... Стихотворецъ никогда не долженъ перестать быть человѣкомъ, почитателемъ Бога, членомъ общества и сыномъ отечества...»

Изъ-за этихъ однообразныхъ и достаточно общихъ разсужденій сквозитъ мягкій и гуманный взглядъ Жуковскаго на призваніе поэта.

Съ занятіемъ должности редактора «Вѣстника Европы» для Жуковскаго началась еще болѣе обширная литературная дѣятельность. Съ этимъ временемъ совпадаетъ первое появленіе крупныхъ вещей поэзіи романтизма, о своей роли въ куль-

тивированіи котораго на русской почвѣ поэтъ говорилъ впослѣдствіи:

«Я – родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ...»

III.

Извѣстность поэта и почести.

Первая баллада.—Ужасъ и красота таинственнаго.—«Ленора» Бюргера.—Переписка съ друзьями.—Приглашеніе къ карьерѣ.—Любовь поэта.—1812 годъ.—Неудачное сватовство за Машу.—Празднество у Плещеева.—Отъѣздъ изъ Муратова.—Жуковскій—ополченецъ.—Письмо о Бородинской битвѣ.—«Пѣвецъ во Станѣ».—Успѣхъ этой пьесы.—Поднесеніе ея императрицѣ.—«Посланіе Александру I».—Чтеніе его во дворцѣ. Налаживаніе придворной карьеры.—Свиданіе съ Государыней. Выходъ Маши замужъ.—«Все въ жизни—къ прекрасному средство!».—Дѣятельность въ «Арзамасѣ».—Дерптъ и Петербургъ.—Окончательное переселеніе въ столицу.

Въ 1808 г. въ «Вѣстникѣ Европы» напечатана баллада Жуковскаго «Людмила», представляющая пересказъ, припоровленный къ славянской жизни, знаменитой баллады «Ленора» Бюргера.

Кому хотя-бы изъ собственнаго дѣтства не извѣстно дѣйствіе подобныхъ романтическихъ произведеній на живое воображеніе? И сладко, и жутко становилось при ихъ чтеніи .. замѣчательное свойство души человѣческой интересоваться ужасами и чувствовать при этомъ какое-то сладострастное упоеніе. И вообще въ натурѣ человѣка есть влеченіе къ «таинственному», область котораго населена ужасами и неразгаданнымъ... Это свойство человѣческой души указано Пушкинымъ въ его чудныхъ стихахъ изъ «Пира во время Чумы»:

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь страшныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы...

Все, все, что̀ гибелью грозитъ,—
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья можетъ быть залогъ..

Всякій помнитъ, съ какимъ онъ замираніемъ сердца слушалъ въ юности «Вія» или «Страшную Месть» Гоголя; а Гофманъ и Эдгаръ Поэ съ ихъ фантастическими разсказами? Главная причина успѣха такихъ произведеній кроется въ ихъ вліяніи на воображеніе, привлекаемое неразгаданной областью таинственнаго... Можетъ - быть поэтому такимъ громаднымъ успѣхомъ и пользуется романтическая литература какъ у дѣтей и юношей, такъ и у обществъ, еще не окончательно созрѣвшихъ въ умственномъ отношеніи. Мы послѣ подробнѣе скажемъ объ исторической роли романтизма и о томъ, какъ онъ являлся проводникомъ высокихъ моральныхъ и соціальныхъ ученій.

«Ленора» Бюргера есть одна изъ самыхъ талантливыхъ и страшныхъ нѣмецкихъ балладъ,—тамъ есть сцены, написанныя мастерской рукой и при чтеніи которыхъ, въ особенности подвечеръ, замираетъ вѣрующее въ «таинственное» сердце. Такова сцена знаменитой фантастической скачки, когда Ленора, обезумѣвшая отъ напраснаго ожиданія милаго, забывъ и мать, и все на свѣтѣ, бросается на коня и, прижавшись къ пріѣхавшему жениху, мчится съ призракомъ при безжизненномъ и блѣдномъ свѣтѣ луны. Быстро несутся они и наконецъ бѣгъ коня переходитъ въ полетъ вихря... За ними мчится толпа фантастическихъ призраковъ и страшныхъ привидѣній... Попавшаяся на пути похоронная процессія со священникомъ и пѣвчими вовлекается въ безумный полетъ коня... И среди этой бѣшенной ѣзды, какъ въ бреду горячки, раздается вопросъ призрака невѣстѣ: «Страшно, милая? Ясно свѣтитъ мѣсяцъ! Лихо ѣздятъ мертвецы! Боишься мертвыхъ?...»

Такъ-же фантастиченъ и печаленъ конецъ баллады, въ которую вложенъ религіозный смыслъ, кратко выражаемый въ возгласахъ призраковъ къ Ленорѣ: «Терпѣніе, терпѣніе,—пусть даже разобьется твое сердце!»

Но все это у Жуковскаго вышло гораздо слабѣе, хотя «Людмила» и нравилась современникамъ. Въ русской жизни не было такихъ романтическихъ преданій, какъ на западѣ

Европы. Тамъ были могучіе феодалы, ихъ гордые замки, какъ разбойничьи гнѣзда, виднѣлись въ горахъ; тамъ были рыцари, турниры и трубадуры; крестовые походы, могущественные императоры и папы, простиравшіе свои руки на весь католическій міръ... Тамошняя кипучая исторія являлась богатой канвой для созданія по ней всякихъ романтическихъ узоровъ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» за указанное время были помѣщены и другія вещи Жуковскаго: переводъ «Кассандры» Шиллера и проч.

Но Жуковскій недолго редактировалъ журналъ. Столкновенія съ сотрудниками и труды по редакціи охладили его рвеніе,—и уже черезъ годъ Каченовскій снова вступаетъ хозяйничать въ изданіе. Хотя поэтъ и считался редакторомъ до конца 1810 г., но въ сущности это званіе за послѣднее время было только номинальнымъ. Въ указанномъ году Жуковскій возвратился въ Мишенское. По сосѣдству съ Муратовымъ на оставленныя ему Бунинымъ деньги купилъ онъ небольшое имѣніе и поселился тамъ. Изъ этого своего «Тускулума» онъ ѣздилъ то въ Муратово, то въ Чернь, орловское имѣніе своего богатаго пріятеля Плещеева, гдѣ и проживалъ болѣе или менѣе продолжительное время. Помянутый Плещеевъ былъ большой любитель искусствъ; на своемъ крѣпостномъ театрѣ онъ ставилъ пьесы собственнаго сочиненія; переписывался стихами съ Жуковскимъ, перекладывалъ стихотворенія послѣдняго на музыку, а жена ихъ распѣвала.

Поэтъ поддерживалъ довольно оживленную переписку съ своими московскими друзьями. Александръ Тургеневъ былъ его коммиссіонеромъ по высылкѣ книгъ изъ Москвы. Жуковскаго озабочивало казавшееся ему недостаточнымъ собственное образованіе, въ чемъ онъ откровенно признавался пріятелю. «Я—совершенный невѣжда въ исторіи,—пишетъ онъ Тургеневу.—Исторія всѣхъ наукъ самая важнѣйшая, ибо въ ней заключена лучшая философія...» «Она возвышаетъ душу, расширяетъ понятія и предохраняетъ отъ излишней мечтательности...»

Но занятія исторіей, которую поэтъ изучаетъ весьма усердно можетъ-быть подъ вліяніемъ Карамзина, не избавили его отъ мечтательности, которая здѣсь, вблизи дорогихъ его сердцу

людей, находила обильную пищу. Но здѣсь-же эти мечтанія о счастіи потерпѣли полное фіаско.

Несмотря на приглашенія друзей пріѣхать въ столицы и устроить «карьеру», для чего представлялся удобный моментъ, такъ какъ въ это время покровительствовавшій Жуковскому И. И. Дмитріевъ былъ назначенъ министромъ юстиціи,—поэтъ не соблазнился этими предложеніями. Вѣроятно ему претила служба послѣ неудачнаго опыта въ «Соляной конторѣ» и хотѣлось сохранить независимость. Съ другой стороны, жизнь въ Муратовѣ представляла много пріятнаго; онъ успѣлъ втянуться въ занятія поэзіей и исторіей. Отмѣтимъ здѣсь все-таки тотъ фактъ, что извѣстная независимость въ устройствѣ жизни,—въ вѣкъ молчалинскаго угодничества передъ сильными міра,— не осталась незамѣченной «всевидящимъ окомъ». И какъ это ни странно покажется, но даже добродушный, мечтательный Жуковскій, впослѣдствіи находившій «безумными» самыя скромныя политическія вспышки на Западѣ, Жуковскій,—пѣвецъ «Свѣтланы», авторъ патріотическихъ стихотвореній и придворныхъ мадригаловъ, казался подозрительнымъ полиціи: графъ Ростопчинъ отказался (въ позднѣйшее время) взять къ себѣ на службу Жуковскаго, считая его «якобинцемъ».

На родинѣ Жуковскій занялся составленіемъ «Сборника» лучшихъ русскихъ стихотвореній, который вышелъ въ Москвѣ въ 5 частяхъ въ 1810—1811 г.г. Кромѣ того имъ немало переведено изъ Шиллера, Парни и др., а также написана первая часть повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» («Громобой»).

Но въ это время случались и печальныя событія, которыя повергали поэта въ тоску. Почти въ одно время съ Марьей Григорьевной Буниной умерла мать Жуковскаго, бывшая турчанка Сальха. При этомъ считаемъ удобнымъ замѣтить, что отношенія поэта къ матери до сихъ поръ плохо выяснены въ его біографіяхъ.

Но молодость скоро забываетъ огорченія, въ особенности при условіи, если вблизи находятся дорогіе люди, которые стараются утѣшить огорченнаго.

Ученицы поэта были уже взрослыми дѣвушками: Марьѣ Андреевнѣ исполнилось 17 лѣтъ. Чувство Жуковскаго начинало проявляться въ болѣе опредѣленной формѣ; у него воз-

никла мысль о женитьбѣ на «Машѣ». Это чувство было настолько экспансивно, что не могло держаться въ тайникахъ души поэта, и естественно стремилось вылиться наружу. Въ стихахъ и посланіяхъ къ пріятелямъ онъ всюду говоритъ о любимой дѣвушкѣ:

Есть *одна* во всей вселенной,
Къ *ней*—душа и мысль о *ней*...

Оффиціальныхъ преградъ для женитьбы не было, но, какъ мы уже раньше замѣтили, были препятствія неодолимыя въ непреклонности матери невѣсты, считавшей такой бракъ преступнымъ.

Такъ подошелъ 1812 годъ, положившій начало большой популярности Жуковскаго. Уже было близко время Бородинской битвы, пожаровъ Москвы и другихъ страшныхъ событій отечественной войны, съ ея заключительной трагической сценой—ужасной переправой французовъ черезъ Березину.

Жуковскій рѣшился наконецъ открыть свою любовь къ «Машѣ» и просилъ у матери руки ея дочери. Но Екатерина Афанасьевна не только отказала, но и запретила говорить объ этомъ съ кѣмъ-бы то ни было, въ особенности съ дочерями. Напрасно поэтъ доказывалъ, что препятствій нѣтъ, что онъ—не дядя невѣстѣ по церковнымъ книгамъ и даже не родственникъ, — Протасова была неумолима, и она не измѣнила непреклонному рѣшенію и послѣ... Эта печальная исторія отразилась на произведеніяхъ поэта, относящихся къ тому времени,—въ нихъ звучали особенно грустныя ноты.

«Дванадесять» языковъ уже вторглись въ Россію... Но въ домѣ Плещеева сосѣди собрались 3-го августа праздновать день рожденія гостепріимнаго хозяина. Муратовскія дамы тоже были приглашены на празднество. Жуковскій пѣлъ своего «Пловца», положеннаго на музыку Плещеевымъ:

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла...
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась,
«Не скрывайся!»—я взывалъ;
Непреклонная сокрылась...
Якорь былъ и тотъ пропалъ!

Въ дальнѣйшихъ строфахъ Протасова усмотрѣла намекъ на привязанность поэта къ ея дочери, что̀ было нарушеніемъ даннаго Жуковскимъ обѣщанія никому не говорить о своемъ чувствѣ. Она была очень недовольна, и поэтъ принужденъ былъ на слѣдующій же день оставить Муратово.

Черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ поручикомъ московскаго ополченія, а 26-го, въ день Бородина,—близъ дѣйствующей арміи, но не участвовалъ въ битвѣ:

Въ рядахъ отечественной рати
Пѣвецъ, по слуху знавшій бой,
Стоялъ онъ съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій!

Онъ былъ съ московскимъ ополченіемъ въ резервѣ и до нихъ долетали ядра. Въ письмѣ къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ онъ такъ описываетъ канунъ страшнаго дня:

«Двѣ арміи стали на этихъ поляхъ одна передъ другою... Все было спокойно. Солнце сѣло прекрасно, вечеръ наступилъ безоблачный и холодный; ночь овладѣла небомъ и звѣзды ярко горѣли, зажглись костры... Въ этомъ глубокомъ, темномъ небѣ, полномъ звѣздъ и мирно распростертомъ надъ двумя арміями, гдѣ столь многіе обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное...», а въ самый день битвы «небо тихо и безоблачно сіяло надъ бьющимися арміями...»

Поэтъ, оторванный отъ мирныхъ полей для «брани», принесъ и самъ жертву отечеству: послѣ сраженія подъ Краснымъ онъ заболѣлъ горячкой — и снова возвратился въ Муратово лишь въ январѣ 1813 года.

Плодомъ этой кратковременной военной дѣятельности въ памятный для Руси годъ явилось знаменитое въ свое время стихотвореніе, пробившее автору дорогу къ вѣнценосцамъ,— «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».

Теперь, когда мы имѣемъ передъ собою образцы совершеннѣйшей поэзіи, когда и у насъ, въ Россіи, накопился уже большой и цѣнный поэтическій багажъ и когда намъ знакомы литературы всего міра,—можетъ-быть теперь многое въ этомъ стихотвореніи покажется намъ фальшивымъ, вымученнымъ, и мы опять увидимъ въ немъ осколокъ псевдо-классической поэзіи; намъ можетъ показаться страннымъ это изображеніе героевъ Бородина—русскихъ солдатъ въ костюмахъ древне-классическихъ, съ копьями, въ шлемахъ, латахъ и со щитами; но

нужно перенестись въ ту эпоху, когда была потрясена вся родина «вражескимъ нашествіемъ», когда ненависть къ пришельцамъ была всеобщая, а желаніе скорѣе избавиться отъ нихъ — завѣтнѣйшимъ желаніемъ, — чтобъ понять огромный успѣхъ этого произведенія, въ которомъ, кромѣ «казенныхъ» мѣстъ, есть немало прекрасныхъ и звучныхъ строфъ. Во всякомъ случаѣ эта пьеса далеко выше перваго «патріотическаго» стихотворенія Жуковскаго—«Пѣсни Барда», напечатанной въ 1806 г. въ «Вѣстникѣ Европы».

И. И. Дмитріевъ поднесъ «Пѣвца во станѣ» императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая, прочитавъ стихи, приказала просить автора, чтобъ онъ доставилъ ей экземпляръ ихъ, собственноручно переписанный,—и приглашала его въ Петербургъ. Жуковскій отправилъ требуемое съ стихотворнымъ посвященіемъ:

Мой слабый даръ царица одобряетъ...

Это было первымъ фиміамомъ и первымъ обращеніемъ пѣвца къ царственнымъ особамъ, что̀ потомъ онъ, какъ извѣстно, дѣлалъ очень часто.

По возвращеніи поэта на родину многое измѣнилось тамъ. Кирѣевскій умеръ и вдова его Авдотья Петровна тосковала. У Марьи Андреевны уже въ это время обнаружились неопредѣленные признаки той болѣзни, которая свела ее въ могилу. Дѣвушкѣ открыли о любви къ ней Жуковскаго и о его неудачномъ сватовствѣ; но самъ онъ не объяснялся съ нею, и это дѣлало ихъ отношенія неловкими. Все это тяжело отражалось и на самомъ поэтѣ, который, чтобъ успокоить себя, а также можетъ быть пріобрѣсти надлежащій аргументъ въ пользу брака, просилъ совѣта у маститаго масона Лопухина,— старикъ благословилъ его. Но ничто, даже авторитетъ московскаго Филарета, не могло поколебать непреклонности матери. Затѣмъ въ исторію Жуковскаго еще вмѣшалось обстоятельство, значительно запутавшее дѣло. Въ Муратовѣ къ 1814 году появилась новая личность,—умный, хитрый, но нравственно низкій Воейковъ. Благодаря своей ловкости, остроумію и лицемѣрію, онъ довольно скоро втерся въ довѣріе всѣхъ и сталъ очень недоброжелательно относиться къ своему пріятелю-поэту. Василій Андреевичъ, проведя цѣлый годъ въ на-

деждѣ и сомнѣніяхъ, опять рѣшился попытать счастья; но Екатерина Афанасьевна стояла на своемъ. Положеніе Жуковскаго, въ особенности въ присутствіи Воейкова, становилось невыносимымъ, и онъ уѣхалъ изъ Муратова въ Долбино, къ племянницамъ Аннѣ и Авдотьѣ Петровнамъ, съ которыми состоялъ, какъ мы и ранѣе указывали,—въ дружескихъ отношеніяхъ.

Удаленіе отъ Протасовыхъ живительно подѣйствовало на измученную душу Жуковскаго и выразилось въ особенной его поэтической производительности. Къ этому времени относится «Эолова Арфа», въ которой тоска о минувшемъ вылилась трогательными звуками; тогда же создана и «Свѣтлана»,— эта русская баллада, исполненная болѣе радостнаго тона, чѣмъ мрачная «Ленора».

Но оскорбленный и опечаленный у Протасовыхъ, незлобивый Жуковскій,—и это ясно указываетъ намъ на его чистую и симпатичную душу,—не оскорблялъ самъ и не мстилъ, а, наоборотъ, явился первымъ помощникомъ Екатерины Афанасьевны: по случаю выхода Александры Андреевны замужъ за Воейкова, онъ продалъ свою деревню возлѣ Муратова и всѣ деньги (11 т. рублей) отдалъ въ приданое племянницѣ, очень довольный тѣмъ, что его жертву приняли благосклонно.

Недалекъ былъ день новой славы Жуковскаго,—онъ въ это время закончилъ свое извѣстное «посланіе императору Александру I, спасителю народовъ». Парижъ уже давно лежалъ у ногъ русскаго государя; Левіафанъ - Наполеонъ былъ сокрушенъ, и приближался часъ, когда далекая скала безграничнаго океана должна была похоронить окончательно славу Франціи и грозу Европы.

Въ октябрѣ 1814 г. Жуковскій отправилъ свою рукопись Александру Ивановичу Тургеневу въ Петербургъ для поднесенія императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ. Тургеневъ съ чувствомъ прочиталъ великолѣпно переписанный и переплетенный экземпляръ посланія. Царственные слушатели и ихъ свита были въ восторгѣ отъ новаго произведенія Жуковскаго. Великіе князья и княжны прерывали чтеніе восклицаніями: «прекрасно, превосходно, c'est sublime!»

«Пишу тебѣ, безцѣнный и милый другъ,—такъ извѣщалъ Жуковскаго Тургеневъ въ письмѣ отъ 1-го января 1815 г.,—чтобъ

отъ всей души, произведеніемъ твоего генія возвышенной, поздравить тебя съ новымъ годомъ и новою славою!»

Пріятель подробно описывалъ поэту всю сцену чтенія и произведенный посланіемъ эффектъ. Государыня немедленно приказала сдѣлать великолѣпное изданіе этого стихотворенія въ пользу Жуковскаго, звала его пріѣхать въ Петербургъ и желала познакомиться со всѣми его новыми стихами поскорѣе.

Разсказываютъ, что это посланіе имѣло въ то время огромный успѣхъ, и что устраивались чтенія его передъ обвитымъ цвѣтами бюстомъ императора.

Но Жуковскій пока не особенно спѣшилъ на радушный царскій призывъ. Было-ли у него предчувствіе, что поэтическій свободный даръ трудно соединить съ званіемъ и обязанностями придворнаго,—въ чемъ конечно онъ не ошибался,—но только въ письмѣ (отъ 4-го августа) къ Уварову поэтъ колебался: «Боюсь я этихъ grands-projets, — сообщаетъ онъ,—могутъ составить за меня какой-нибудь планъ моей жизни да и убьютъ все»... «Тебѣ, кажется, не нужно имѣть отъ меня комментарій на то, что мнѣ надобно... независимость да и только»...

Къ этому-же времени относится окончаніе Жуковскимъ давно уже начатаго извѣстнаго народнаго гимна.

Карамзинъ окончилъ восемь томовъ своей исторіи, – этотъ трудъ вдохновляетъ на историческую работу и Жуковскаго: онъ собирается написать поэму «Владиміръ» и, съ цѣлью собиранія матеріаловъ, намѣревался сдѣлать путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Но привязанность къ семейству Протасовой взяла свое, и вмѣсто Крыма поэтъ очутился съ родными въ Дерптѣ, гдѣ Воейковъ получилъ мѣсто профессора въ университетѣ.

Но поэта скоро выжили и изъ Дерпта. Тяжело ему было покидать то, съ чѣмъ онъ такъ сжился; однако добрый Жуковскій нашелъ силу перенести и эти огорченія. Съ интересомъ читается его письмо къ Марьѣ Андреевнѣ отъ 29-го марта 1815 г. при отъѣздѣ изъ Дерпта... Въ немъ уже слышатся тѣ мистическія струны, которыя потомъ такими полными аккордами звучали въ его поэзіи. «Все въ жизни—къ прекрасному средство!» восклицаетъ онъ, для утѣшенія себя и «Маши», въ этомъ письмѣ. Теперь на родинѣ ничему его было удержи-

вать, и уже въ маѣ 1815 г. онъ ѣздилъ въ Петербургъ, чтобъ представиться государынѣ, и былъ ею ласково принятъ. «Коекакъ накопилъ у пріятелей мундирную пару»,—разсказывалъ Жуковскій о представленіи императрицѣ.—«Я не струсилъ: желудокъ мой былъ въ исправности, слѣдственно и душа въ порядкѣ»...

Онъ былъ у Государыни съ Уваровымъ, говорили по французски. Поэтъ приготовилъ было цѣлую рѣчь, но ничего сказать не съумѣлъ...

Придворная карьера пѣвца налаживалась... Былъ близокъ моментъ, когда, по язвительной эпиграммѣ Пушкина,

... Пѣвецъ
Съ указкой втерся во дворецъ!

24-го августа Жуковскій снова отправился въ Петербургъ и видѣлся опять съ императрицей. Онъ былъ назначенъ чтецомъ при ней и, какъ видно изъ писемъ поэта, многое тяготило его. Болѣе 4-хъ мѣсяцевъ прожить въ столицѣ онъ не могъ. «О, Петербургъ, проклятый Петербургъ, съ своими мелкими, убійственными разсѣяніями»,—пишетъ онъ въ Долбино.—«Здѣсь, право, нельзя имѣть души. Здѣшняя жизнь давитъ меня и душитъ!»

Скоро поэта ожидало новое разочарованіе: его любимица, его «идеальная Маша» рѣшила выйти замужъ за дерптскаго доктора Мойера, хорошаго пріятеля Жуковскаго. Положеніе дѣвушки въ семействѣ, при строгой матери и взбалмошномъ Воейковѣ, при ея, тяготившихъ всѣхъ, неопредѣленныхъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ,—было нелегкое, и Марья Андреевна рѣшилась отдать свою руку человѣку, котораго «уважала». Но это рѣшеніе поразило, какъ громомъ, все еще питавшаго надежды Жуковскаго. Къ чести его однако надобно сказать, что онъ одинаково терзался и за Машу, полагая, что ее принуждаютъ выйти за нелюбимаго человѣка.

Влюбленные должны были сказать «прости!» своему безвозвратно разбитому прошлому.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ того письма, которое Марья Андреевна написала по поводу своего рѣшенія:

«Дерптъ. 8-го ноября 1815 г. Мой милый, безцѣнный другъ! Послѣднее твое письмо къ маменькѣ утѣшило меня гораздо болѣе, нежели я сказать могу, и я рѣшаюсь писать тебѣ, про-

сить у тебя совѣта такъ, какъ у самаго лучшаго друга послѣ маменьки... Ты говоришь, что хочешь замѣнить мнѣ отца... о, мой добрый Жуковскій, я принимаю это слово во всей его цѣнѣ... Я у тебя прошу совѣта, какъ у отца; прошу рѣшить меня на самый важный шагъ въ жизни; я съ тобою, съ первымъ послѣ маменьки, хочу говорить объ этомъ и жду отъ тебя, отъ твоей ангельской души своего спокойствія, счастія и всего добраго... То, что теперь тебя съ маменькой разлучаетъ, не будетъ болѣе существовать... Въ тебѣ она найдетъ утѣшителя, друга, брата... Ты будешь жить съ нею, а я получу право имѣть и показывать тебѣ самую святую, нѣжную дружбу, и мы будемъ такими друзьями, какими теперь все быть мѣшаетъ..»

И Жуковскій, эта «ангельская душа», махнувъ рукою на свое разбитое счастье, благословилъ свою Машу, повторяя любимое:

Все въ жизни—къ прекрасному средство!

Не будемъ подробно слѣдить за этими 2—3 годами жизни поэта, проведенными имъ въ Дерптѣ, пополамъ съ Петербургомъ. Казалось, что его печали угомонились, и онъ наслаждался возможностью оказывать «самую нѣжную» дружбу Марьѣ Андреевнѣ.

Въ Петербургѣ дѣла Жуковскаго шли очень хорошо: царское семейство къ нему благоволило. Въ 1817 г. тамъ печаталось собраніе стихотвореній поэта въ двухъ томахъ. Одинъ экземпляръ этихъ стихотвореній, вмѣстѣ съ отдѣльно изданнымъ «Пѣвцомъ въ Кремлѣ», былъ поднесенъ министромъ народнаго просвѣщенія, извѣстнымъ княземъ А. Н. Голицынымъ, государю, который назначилъ поэту пожизненный пенсіонъ въ 4000 р. ассигнаціями.

Къ этому-же времени относится усиленная дѣятельность Жуковскаго въ «Арзамасѣ».

Изложеніе подробной исторіи этого общества, въ которомъ такое видное участіе принадлежитъ Жуковскому, не входитъ въ задачи нашего очерка. Укажемъ только, что подъ знаменемъ «Арзамаса» собрались молодыя и прогрессивныя силы русской литературы для борьбы съ озлобившимися приверженцами старыхъ литературныхъ традицій, группировавшимися около извѣстнаго Шишкова и его «Бесѣды». Эти хранители отжившихъ и фальшивыхъ литературныхъ преданій,—фанатическіе старовѣры литературной ветоши и буквоѣды, ненавидѣвшіе всякое новшество,—хотѣли тщательно оберегать

отъ свѣжихъ струй русскую «словесность». Они считали ересіархомъ даже Карамзина, внесшаго въ литературу новые мотивы и болѣе изящный, простой языкъ, а имени Жуковскаго не могли равнодушно слышать. Одинъ изъ «шишковцевъ», князь Шаховской, въ написанной имъ комедіи вывелъ Жуковскаго подъ видомъ жалкаго «балладника Фіалкина».

«Арзамасъ» неустанно и остроумно осмѣивалъ этихъ мракобѣсовъ. Въ его засѣданіяхъ происходили споры, бесѣды, писались и произносились эпиграммы. Въ числѣ своихъ членовъ это общество считало: В. Л. и А. С. Пушкиныхъ, Жуковскаго, Дашкова, князя Вяземскаго, гр. Уварова и Блудова, Батюшкова и другихъ. Это былъ дружескій союзъ людей во имя одной цѣли и однихъ идеаловъ,—людей, выносившихъ изъ совмѣстныхъ бесѣдъ извѣстную общность взглядовъ и бывшихъ во многомъ солидарными. Большое оживленіе собраніямъ «Арзамаса» придавалъ Жуковскій своимъ безобиднымъ юморомъ. До насъ дошли нѣкоторые комическіе протоколы собраній, составленные поэтомъ.

Къ разсматриваемому времени, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній и переводовъ, относится созданіе поэмы «Вадимъ»,—фантастической пьесы съ обычными для Жуковскаго меланхолическими мыслями, высказанными въ легкихъ, звучныхъ стихахъ. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ «Вадима» замѣтны указанія на личныя обстоятельства автора. Свадьба Маши дала возможность Жуковскому набросать нижеслѣдующую картину:

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
Предъ царскими вратами —
И вдругъ... святой налой предъ нимъ,
Главы ихъ подъ вѣнцами;
Въ рукахъ ихъ свѣчи зажжены,
И кольца обручальны
На персты ихъ возложены,
И слышенъ гимнъ вѣнчальный...

Пребываніе поэта въ Дерптѣ, познакомивъ его въ мѣстной интеллигенціей и позволивъ съ бóльшимъ совершенствомъ усвоить нѣмецкій языкъ, раскрыло передъ нимъ съ еще большей полнотой сокровища германской литературы, изъ которой, какъ мы увидимъ вскорѣ, поэтъ сталъ выбирать безцѣнные перлы.

Хотя Жуковскій и боялся сначала связать себя съ императорскимъ дворомъ какими-либо особыми обязанностями, но пришлось покориться обстоятельствамъ. Въ концѣ 1817 года поэтъ былъ назначенъ учителемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, будущей императрицѣ, и съ тѣхъ поръ сталъ близкимъ человѣкомъ въ кругу царскаго семейства. Всѣ идиллическіе планы его о жизни въ Дерптѣ или Долбинѣ отодвинулись въ далекое будущее. Съ этого времени, оставаясь поэтомъ, онъ понемногу сталъ натягивать на себя и мундиръ придворнаго. Друзья какъ будто замѣчали въ немъ перемѣну; Пушкинъ, какъ мы видѣли выше, передѣлалъ въ эпиграмму стихи Жуковскаго о «бѣдномъ пѣвцѣ», а И. И. Дмитріевъ писалъ Тургеневу: «кажется, поэтъ мало-по-малу превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни начинаетъ прельщать его...

Сильны соблазны жизни—они сокрушали людей и съ болѣе могучимъ духомъ, чѣмъ Жуковскій. Можетъ-быть и пѣвецъ «Свѣтланы» немного испортился въ своемъ новомъ званіи, но у него былъ такой большой запасъ гуманности и добродушія, что даже за вѣчно натянутой улыбкой придворнаго и подъ туго застегнутымъ генеральскимъ мундиромъ люди безпристрастные не могли не видѣть симпатичной души Жуковскаго и его всегдашней готовности придти на помощь.

Прощаясь съ Дерптомъ, Жуковскій перевелъ двѣ вещи Гёте: «Утѣшеніе въ слезахъ» и «Къ мѣсяцу». Въ концѣ послѣдняго стихотворенія грустно звучало:

Лейся, мой ручей, стремись,—
Жизнь ужъ отцвѣла:
Такъ надежды пронеслись,
Такъ любовь ушла!

IV.

Поэзія и обязанности.

Близость къ дворцовому кругу. —«Для немногихъ».—Стихи на рожденіе Цесаревича, будущаго Царя-Освободителя.—Милости и отличія.—Первая поѣздка заграницу.—«Лалла-Рукъ».—«Шильонскій узникъ».—Отсутствіе особенныхъ симпатій къ Байрону.—Отпущеніе «экславовъ» на волю.—Литературныя собранія у Жуковскаго.—«Дѣйствительный» холостякъ.—Смерть Маши.—Стихи въ память о ней.—Назначеніе наставникомъ къ будущему государю.—Отношеніе къ 14-му декабря 1825 г. Заботы о воспитаніи ученика и планъ его образованія.—«Прощай, поэзія!»—Смерть А. А. Воейковой.—Жуковскій и Пушкинъ.—Ихъ сближеніе.—Строфы изъ «Онѣгина».—Въ салонѣ Смирновой.—Смерть Пушкина.—Поѣздка съ ученикомъ по Россіи.—У Кольцова, въ Воронежѣ.—Отъѣздъ заграницу и обрученіе тамъ съ дѣвицей Рейтернъ.—Послѣднее «прости» родинѣ.

Итакъ, Жуковскій, скромный обитатель Мишенскаго, любившій сельское уединеніе, «холмы и поля», сталъ «царедворцемъ», — онъ вошелъ въ царскую семью, какъ свой человѣкъ, и сохранилъ ея привязанности до конца. Но и на этой «высокой чредѣ», исполненной искушеній и соблазновъ, онъ не переставалъ быть человѣкомъ. При томъ высокомъ назначеніи, которое ему вскорѣ предстояло, онъ становился уже исторической личностью, а близость къ источнику милостей и богатства давала возможность упражнять свою гуманность въ просьбахъ за несчастныхъ и обиженныхъ.

Когда знакомишься съ жизнью поэта въ это время, то ясно видишь, что въ отношеніяхъ его къ высокимъ друзьямъ царили простота и человѣчность, почти исключавшія этикетъ. Это главнымъ образомъ практиковалось по отношенію къ женскому обществу дворца; но особа императора Николая своей величавостью и импозантностью, при свойственныхъ этому государю воззрѣніяхъ на личность вѣнценосца, само собою не допускала особенной близости. Въ запискахъ Смирновой видно, какъ близокъ къ дворцовому кругу былъ нашъ романтическій поэтъ: его тамъ считали «своимъ». Разъ, напримѣръ, Жуковскій, не будучи приглашенъ на какое-то интимное собраніе во дворецъ, не явился туда. Когда государыня узнала, что онъ стѣснялся, не имѣя приглашенія, то объявила, что онъ—«свой», что онъ «родился приглашеннымъ» и ему не-

чего ждать оффиціальностей, что онъ—«всегда желанный гость».

Жуковскій усердно готовился къ своимъ занятіямъ съ ученицей и, по всѣмъ даннымъ, занятія эти шли успѣшно, что должно объясняться, помимо умѣнья учителя, и талантливостью его слушательницы, образованной и съ художественнымъ вкусомъ женщины. Поэтъ составилъ для великой княгини особую грамматику, но главный интересъ занятій съ ученицей заключался въ томъ, что она, страстно любившая нѣмецкую литературу, сдѣлала указанія поэту на пьесы, которыя желала имѣть въ переводѣ, и съ большимъ вниманіемъ относилась къ этимъ переводамъ. Такое параллельное чтеніе оригинала и переводовъ представлялось интереснымъ для сравненій подлинника съ копіей. Всѣ эти переводы (напр., знаменитый «Лѣсной Царь» Гёте), указанные и вдохновленные великой княгиней, были напечатаны маленькими изящными книжками, носившими названіе «Для немногихъ». Въ описываемое время были переведены многія вещи, доставившія славу Жуковскому.

Зиму 1817—18 гг. поэтъ проводилъ съ дворомъ въ Москвѣ, еще разоренной и обгорѣлой. Здѣсь ожидалось разрѣшеніе отъ бремени великой княгини Александры Ѳеодоровны. Изъ писемъ Жуковскаго видно, какъ онъ былъ доволенъ своими новыми обязанностями. Въ отношеніяхъ къ нему чужихъ и такъ высоко поставленныхъ надъ толпою людей онъ нашелъ то искреннее участіе, котораго тщетно добивался у родныхъ въ послѣднее время.

17 апрѣля 1818 г. пушки съ Кремля возвѣстили о рожденіи наслѣдника у великаго князя Николая Павловича. Этотъ ребенокъ - будущій Царь-Освободитель, и его появленіе на свѣтъ Жуковскій привѣтствовалъ вдохновенными стихами, вылившимися изъ сердца. Кому не покажется благороднымъ и глубоко-симпатичнымъ хотя бы этотъ отрывокъ изъ стихотворенія:

Да встрѣтитъ онъ—обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Великаго изъ званій: *человѣкъ*!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ*—свое позабывать,

Лишь въ голосѣ отечества *свободномъ*
Съ *смиреніемъ* дѣла свои читать!

Не нужно забывать, что эти прекрасные стихи явились въ вѣкъ *крѣпостного* права, при надвинувшейся уже тучѣ Аракчеевщины и въ обществѣ, гдѣ не раздавалось «свободнаго голоса».

Исторія въ будущемъ еще должна разобрать событія минувшаго царствованія, и несомнѣнно она найдетъ, что поэтъ заронилъ въ душу своего будущаго питомца свѣтлыя и добрыя сѣмена, плодъ которыхъ выразился въ лучшихъ дѣяніяхъ покойнаго государя.

Нужно, прежде чѣмъ сообщать о дальнѣйшемъ, замѣтить здѣсь, что Жуковскій, смотря серьезно на свое призваніе, не могъ, по врожденной ему добросовѣстности, только подлаживаться къ дворцовымъ «вѣяніямъ»,—онъ отстаивалъ свои воззрѣнія въ вопросахъ воспитанія, и хотя въ почтительной формѣ, но съ твердостью защищалъ излюбленные принципы. Вообще говоря, знакомясь съ его перепиской съ членами царской семьи, видишь не придворнаго Полонія, готоваго признать облако за «верблюда» или за «ласточку», смотря по желанію принцевъ, а ласковаго, но опытнаго друга, способнаго даже на внушенный любовью выговоръ.

Отличія и милости посыпались на поэта. Россійская академія избрала его въ число своихъ членовъ... Но Жуковскій не забывалъ въ своемъ высокомъ положеніи обязанностей по отношенію къ «человѣку». И многіе были обязаны ему облегченіемъ своей участи и улучшеніемъ положенія, о чемъ мы подробнѣе скажемъ ниже.

Болѣзнь великой княгини Александры Өеодоровны прервала на нѣкоторое время занятія, и когда ученица Жуковскаго, по совѣту врачей, отправилась для возстановленія силъ заграницу, поэтъ сопровождалъ ее туда.

Эта первая поѣздка по Европѣ живительно подѣйствовала на Жуковскаго. Онъ познакомился со многими европейскими знаменитостями, въ томъ числѣ и съ «олимпійцемъ Гёте». Этимъ знакомствамъ конечно благопріятствовало его почетное положеніе въ свитѣ великой княгини. Въ Берлинѣ поэтъ былъ свидѣтелемъ великолѣпныхъ празднествъ, данныхъ въ честь великокняжеской четы. Между прочимъ на придворномъ

праздникѣ былъ поставленъ рядъ живыхъ картинъ на сюжетъ поэмы Томаса Мура «Лалла Рукъ», гдѣ явилась сама великая княгиня. Какъ придворный поэтъ, Жуковскій не долженъ былъ молчать по этому поводу, и у него вскорѣ уже создалось опоэтизированіе ученицы, явившейся въ образѣ «Лаллы-Рукъ»:

И блистая, и плѣняя,
Словно ангелъ неземной,
Непорочность молодая
Появилась предо мной...

Подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, Жуковскій перевелъ въ Берлинѣ изъ Томаса Мура поэму «Пери и Ангелъ». Въ эту же поѣздку переведена имъ «Орлеанская Дѣва» Шиллера—одно изъ идеальнѣйшихъ созданій великаго поэта, представляющее можетъ быть, вопреки историческимъ даннымъ, Іоанну д'Аркъ черезъ-чуръ дѣвственно чистой; антиподомъ такого представленія является, какъ извѣстно, фривольная пьеса Вольтера «Pucelle».

Объѣздивъ часть Германіи и Швейцаріи, Жуковскій познакомился съ чудными памятниками искусства, съ дивной природой и со многими извѣстностями, въ числѣ которыхъ былъ и одинъ изъ столповъ германскаго романтизма—Тикъ.

Въ Швейцаріи Жуковскій посѣтилъ Шильонскій замокъ. Изъ Веве, въ лодкѣ, съ поэмой Байрона въ рукахъ, онъ осмотрѣлъ этотъ замокъ, гдѣ въ XVI столѣтіи томился женевецъ Бониваръ. Жуковскій осматривалъ подземелье и видѣлъ то кольцо, къ которому прикрѣплялась цѣпь узника и вытоптанную ногами заключеннаго впадину. Этой экскурсіи русская литература обязана переводомъ знаменитой поэмы Байрона «Шильонскій узникъ». Но, какъ и слѣдовало ожидать, мягкій, мечтательный и смиренный Жуковскій не особенно симпатизировалъ мрачному, титаническому генію британскаго поэта, и онъ не состоялъ въ числѣ излюбленныхъ имъ образцовъ.

Жуковскій возвратился въ Россію въ началѣ 1822 года. Возможно, что видѣнная имъ культурная Европа и «свободная» Швейцарія указали ему на неустройства родины и на ея страшную язву—«крѣпостныхъ рабовъ». Впрочемъ, при свойственной Жуковскому гуманности, Европа, такъ сказать,

только переполнила чашу, и мы видимъ, что поэтъ, по возвращеніи, отпускаетъ на волю крѣпостныхъ, купленныхъ на его имя книгопродавцемъ Поповымъ, а также даетъ «вольную» и своему единственному «рабу» Максиму съ дѣтьми. Для оцѣнки указаннаго поступка надо помнить, что онъ совершился въ крѣпостническомъ обществѣ за 40 лѣтъ до освобожденія крестьянъ.

«Очень радъ,—пишетъ Жуковскій А. П. Елагиной, благодаря ее за исполненіе этого порученія,—что мои эсклавы получили волю!» Въ pendant къ указанному онъ сообщаетъ, что не могъ освободить отъ цензуры переводъ извѣстныхъ стиховъ Шиллера:

Человѣкъ свободнымъ созданъ и свободенъ,—
Если-бъ онъ родился и въ цѣпяхъ!

Жуковскій по возвращеніи въ Петербургъ поселился съ семействомъ Воейкова, принужденнаго оставить Дерптъ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкова Дворца. Поэтъ очень обрадовался пріѣзду своей племянницы, несчастливой въ замужествѣ. Александра Андреевна напоминала ему милое прошлое, къ которому тяготѣла память поэта. Жуковскаго часто посѣщали друзья; у него бывали «литературныя собранія», оживлявшіяся участіемъ изящной и остроумной хозяйки дома—Воейковой. Здѣсь былъ обласканъ слѣпой Козловъ,—вся тогдашняя крупная литература была своей въ салонѣ Жуковскаго: Батюшковъ, Тургеневъ, Крыловъ, Блудовъ, Вяземскій, Карамзинъ и мн. другіе являлись частыми гостями добрыхъ хозяевъ. Особенно шумно, среди многочисленнаго общества, отпраздновалъ Жуковскій сорокалѣтнюю годовщину своего рожденія. Въ этомъ собраніи Жуковскій съ добродушнымъ юморомъ объявилъ, что теперь онъ вступилъ въ чинъ «дѣйствительнаго» холостяка.

За указанное время неожиданное событіе потрясло душу поэта: почти вслѣдъ за его отъѣздомъ изъ Дерпта, куда провожалъ онъ Воейкову, 19-го марта 1823 г. умерла его «первая» любовь Марья Андреевна Мойеръ. Но та мистическая вѣра, которая жила съ дѣтства въ душѣ поэта, явилась для него теперь подспорьемъ для перенесенія этого горя. Въ письмѣ къ А. П. Елагиной, отъ 28-го марта 1823 года, поэтъ между прочимъ говоритъ объ умершей:

«Знаю, что она съ нами и болѣе наша,—наша спокойная, радостная, товарищъ души, прекрасный, удаленный отъ всякаго страданія... Не будемъ говорить: «ея нѣтъ». C'est blasphème!... Ея могила будетъ для насъ мѣстомъ молитвы... На этомъ мѣстѣ одна только мысль о ея чистой, ангельской жизни, о томъ, что она была для насъ живая, и о томъ, что она нынѣ для насъ есть небесная...»

Глубоко ошибется тотъ, кто сочтетъ это письмо лишь утѣшеніемъ резонера въ потерѣ родственницы. Наоборотъ, въ немъ онъ весь—чистый, милый Жуковскій, съ той вѣрой, которая всегда сквозила въ его поступкахъ, въ его перепискѣ и поэзіи. Эта вѣра въ Промыслъ, въ безсмертіе, во что-то иногда неопредѣленное, но всегда свѣтлое и святое,—очень характерна для поклонника идеалиста-Шиллера и его истолкователя въ русской литературѣ.

«Машѣ» Жуковскій посвятилъ прекрасное стихотвореніе, пріурочивъ его ко дню ея кончины:

Ты предо мною
Стояла тихо;
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ...
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ,
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ!
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила,
Какъ рай, спокойна...
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли!
Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!

Чѣмъ-то благоуханно кроткимъ, эѳирнымъ и меланхолическимъ вѣетъ отъ этихъ строкъ, и эти стихи могутъ служить вообще характеристикою поэзіи Жуковскаго въ той ея части, которая обнимаетъ собственно лирику.

Слѣдующія 5—6 лѣтъ были мало производительны у Жуковскаго въ литературномъ отношеніи. Можетъ-быть на это частью вліяла и печаль по усопшей, но были и другія причины затишья творчества поэта: ему поручили обучать русскому языку невѣсту великаго князя Михаила Павловича, Елену Павловну, а затѣмъ онъ долженъ былъ весь отдаться заботамъ о подготовкѣ плана обученія будущаго наслѣдника престола, а также выработкѣ подобнаго же плана и для великихъ княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны.

Воцарился Николай I, и Жуковскій былъ назначенъ наставникомъ къ великому князю Александру Николаевичу...

Конечно къ извѣстному событію, ознаменовавшему собою начало этого царствованія, Жуковскій относился съ нескрываемымъ ужасомъ.

«Милая Дуняша,—пишетъ онъ Елагиной изъ Петербурга въ декабрѣ 1825 г.,—у насъ все спокойно теперь. Но мы видѣли день ужасный, о которомъ вспомнить безъ содроганія невозможно. Но это—дѣло Промысла... Онъ показалъ Россіи, что на тронѣ ея—Государь съ сильнымъ духомъ... Теперь будущее исполнено надеждой ...»

«Вѣрить, любить и надѣяться»—было постояннымъ девизомъ Жуковскаго, не смотря на то, что событія ясно говорили поэту о невозможности осуществленія многихъ и многихъ даже скромныхъ надеждъ.

Здоровье поэта однако становилось незавиднымъ, и онъ съ трудомъ взбирался, чувствуя слабость и одышку, по высокой лѣстницѣ въ свою квартиру, отведенную въ Зимнемъ дворцѣ. Его отпустили заграницу лечиться; въ маѣ 1826 г. онъ туда и отправился. Въ Эмсѣ поэтъ встрѣтился съ своимъ дерптскимъ пріятелемъ Рейтерномъ. Жуковскій и не подозрѣвалъ тогда, что въ семьѣ пріятеля растетъ дѣвочка, которая черезъ пятнадцать лѣтъ будетъ подругой его жизни и дастъ ему то «семейное счастье», котораго онъ давно просилъ у судьбы.

Леченіе возстановило силы поэта, и онъ съ энергіей и усидчивостью принялся за приготовленія къ своему званію наставника будущаго государя. Изъ писемъ поэта мы видимъ, что его озабочивала всякая мелочь; онъ между прочимъ собиралъ заграницей библіотеки на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ для своего питомца. Въ Россію Жуковскій вернулся въ октябрѣ 1827 года.

Мы не можемъ, по размѣрамъ нашего очерка, подробно останавливаться на заботахъ Жуковскаго о своемъ ученикѣ и на планѣ образованія послѣдняго: это потребовало-бы отъ насъ много мѣста. Скажемъ только, что всѣ силы свои втеченіи 5—6 лѣтъ поэтъ посвятилъ этому дѣлу, сознавая всю его высокую цѣль и серьезную отвѣтственность, взятую на себя. Въ обширномъ и разработанномъ въ мельчайшихъ деталяхъ планѣ обученія Цесаревича показаны всѣ тѣ науки, которыя онъ долженъ былъ изучить, постепенно переходя отъ

простого къ болѣе сложному; указано время и количество занятій, а также и самый способъ преподаванія.

«Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе,—пишетъ поэтъ къ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ,—не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ Наслѣдника престола! Какая забота и отвѣтственность! Занятіе питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость и всѣми мыслями стремлюсь къ ней!.. Занятій множество. Надобно учить и учиться, время захвачено... Прощай навсегда, поэзія съ риѳмами!!..»

Жуковскій присутствуетъ на урокахъ, слѣдитъ за всѣми частностями преподаванія, выбираетъ учителей. Что онъ за это время былъ очень занятъ, видно и изъ записокъ Смирновой: ея завлекательный салонъ поэтъ въ эту пору не особенно часто посѣщалъ, отговариваясь «дѣлами». Но какъ ни много было обязанностей у Жуковскаго, это не мѣшало ему быть доступнымъ для друзей и знакомыхъ.

Обиліе работы однако не измѣняло пунктуальныхъ привычекъ поэта. Какъ-бы поздно ни ложился онъ,—вставалъ всегда въ 5 часовъ утра. Въ квартирѣ его царилъ образцовый порядокъ, хотя это не мѣшало ей быть изящной и уютной. На большомъ письменномъ столѣ красовались бюсты царской фамиліи, въ углахъ комнатъ—гипсовые слѣпки античныхъ статуй, на стѣнахъ висѣли картины и портреты. Обычная поза Жуковскаго дома—онъ сидѣлъ на турецкомъ диванѣ, поджавъ ноги, покуривая табакъ изъ длиннаго чубука съ янтарнымъ мундштукомъ. Форма его головы, желтоватое лицо, небольшіе, но быстрые глаза, тучное тѣлосложеніе, басовый голосъ—все это являлось признаками, указывавшими на его происхожденіе отъ турчанки.

Въ февралѣ 1829 г. Жуковскаго постигло новое несчастье: скончалась въ Италіи давно уже болѣвшая А. А. Воейкова. Всѣ эти «утраты», указывая на горести земной жизни, очень дѣйствовали на душу поэта, можетъ быть склоннаго уже думать и о собственномъ концѣ. Но и въ отношеніи къ этому событію мы опять встрѣчаемъ въ Жуковскомъ тѣ черты, которыя уже видѣли ранѣе.

«Саша, ангелъ мой,—пишетъ онъ Воейковой за нѣсколько дней до ея смерти,—можетъ быть ты уже стала ангеломъ во всѣхъ отношеніяхъ.. Въ твоемъ переходѣ въ жизнь, столь достойную тебя, есть что-то чистое. Развѣ ты покидаешь меня? Нѣтъ, ты становишься для меня осязательнымъ звеномъ между здѣшнимъ

міромъ и тѣмъ... Твоя душа сотворена для того, чтобъ съ полной ясностью встрѣтить переходъ въ лоно Божіе...»

Эти строки, еслибы онѣ не были внушены чистой вѣрой, могли-бы показаться жестокой насмѣшкой здороваго человѣка надъ умирающей женщиной, къ которой онѣ были адресованы.

Трогательную заботливость обнаружилъ песребролюбивый Жуковскій объ участи оставшихся послѣ подругъ своего дѣтства сиротъ. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни средствъ, ни трудовъ, чтобъ только обезпечить ихъ будущность. И когда читаешь письма поэта, посвященныя этому вопросу, то видишь всю чистоту кроткой его души.

Эта-же «кристалльная» чистота видна въ отношеніяхъ Жуковскаго и къ Пушкину, передъ которымъ независтливый романтикъ скромно склонялъ свою голову, какъ передъ геніемъ русской поэзіи.

Пушкинъ былъ на 16 лѣтъ моложе Жуковскаго, чтó не мѣшало имъ сблизиться и стать друзьями. Еще въ лицеѣ Жуковскій отмѣтилъ талантливаго юношу. По выходѣ изъ лицея Пушкинъ, записанный въ «Арзамасъ», встрѣчается тамъ съ полюбившимся ему и ранѣе и уже знаменитымъ поэтомъ. Бурная, шаловливая жизнь автора «Онѣгина» дала немало заботъ его маститому другу. Только благодаря хлопотамъ Жуковскаго, Пушкину возвращено право въѣзда въ столицы и, послѣ долгаго изгнанія, онъ 8-го сентября 1826 г. снова появляется въ Петербургѣ. Особенное сближеніе поэтовъ относится къ 1831 году: оба они, по причинѣ холеры, жили продолжительное время въ Царскомъ Селѣ. Здѣсь у нихъ затѣялось что-то вродѣ литературнаго турнира; тутъ Жуковскимъ написаны: «Спящая царевна», «Война мышей и лягушекъ», «Сказка о царѣ Берендеѣ». Но всѣ названныя сказки далеко уступаютъ неподражаемымъ пушкинскимъ образцамъ, въ которыхъ брыжжетъ народность, тогда какъ сказки Жуковскаго скорѣе являются передѣлкой иностранныхъ произведеній этого сорта, поддѣланныхъ подъ русскую «народность». Пушкинъ сердечно отплачивалъ Жуковскому за его дружбу, обмолвившись на счетъ «пѣвца» лишь одной-двумя эпиграммами. Онъ признавалъ, что многимъ обязанъ автору «Свѣтланы»... Въ недавно найденныхъ строфахъ «Евгенія Онѣгина» мы читаемъ по адресу Жуковскаго:

И ты, глубоко вдохновенный,
Всего прекраснаго пѣвецъ;
Ты, идолъ дѣвственныхъ сердецъ,—
Не ты-ль, пристрастьемъ увлеченный,
Не ты-ль мнѣ руку подавалъ
И къ славѣ чистой призывалъ?

Въ «Запискахъ» Смирновой есть много интереснаго о знаменитостяхъ нашей литературы... Салонъ этого «небеснаго дьяволенка», какъ звалъ Жуковскій Смирнову, собиралъ цвѣтъ интеллигенціи,—увы!—не особенно пышный. Время тамъ проходило въ игривой, остроумной бесѣдѣ.. Наиболѣе частыми посѣтителями у Смирновой были Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій, Карамзины и многіе другіе. Бывалъ тамъ и «бѣдный, грустный, упрямый хохолъ», какъ зоветъ Смирнова Гоголя. Жуковскій былъ съ Пушкинымъ на «ты». Ихъ звали «Орестъ и Пиладъ».

Что Жуковскій глубоко цѣнилъ автора «Онѣгина», видно хотя-бы изъ того эпизода, что, увидѣвъ какъ-то Гоголя записывающимъ за Пушкинымъ, онъ сказалъ «хохлу»:

— Хорошо дѣлаешь, что записываешь за Пушкинымъ: каждое его слово драгоцѣнно.

— Жуковскій - отецъ-кормилецъ моей музы! говорилъ Пушкинъ у Смирновой.

Интересно, что Жуковскій сватался за Смирнову, но та отказала; она однако братски любила «Жука», какъ называла поэта. Конечно этотъ отказъ не испортилъ отношеній друзей.

— У Жука небесная душа!—сказалъ разъ, разговаривая съ Смирновой, Пушкинъ.

— Да, хрустальная душа!

— Всякій разъ,—докончилъ Пушкинъ,—какъ мнѣ придетъ дурная мысль, я вспоминаю и спрашиваю, что́ сказалъ-бы Жуковскій. И это возвращаетъ меня на прямой путь...

«Я никого и ничего не знаю—говоритъ Смирнова—лучше и добрѣе Жуковскаго. Какъ онъ тревожится по поводу Рудаго Панька (Гоголь)... Онъ подбадриваетъ Гоголя... Жуковскій—воплощенная, безконечная доброта!»

А Пушкинъ добавилъ Смирновой про «Жука»:

— Во всей его обширной особѣ не найдется жолчи, чтобъ убить зловредную муху!

Мы привели эти подробныя выдержки, чтобъ лучше показать, какія отношенія существовали между поэтами и для характеристики Жуковскаго, къ чему впрочемъ мы еще возвратимся.

И старому Жуковскому пришлось закрыть глаза своему молодому геніальному другу!

29-го января 1837 г. скончался Пушкинъ, сраженный рукою пустого Дантеса, пріѣхавшаго въ Россію «на ловлю счастья и чиновъ».

Сердечно оплакалъ вмѣстѣ со всѣмъ, что́ способно было въ Россіи мыслить, Жуковскій кончину друга. Въ извѣстномъ письмѣ къ отцу поэта Жуковскій описываетъ послѣдніе дни Пушкина въ трогательныхъ и полныхъ искренней печали словахъ.

«Нашего Пушкина нѣтъ! — пишетъ онъ.— Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами.. Россія лишилась своего любимаго національнаго поэта! У кого изъ русскихъ съ его смертію не оторвалось чего-то родного отъ сердца?»

Эти слова, полныя грусти, дѣлаютъ честь скромному Жуковскому, безъ колебаній отдающему пальму первенства почившему въ томъ дѣлѣ, въ которомъ самъ Василій Андреевичъ былъ великимъ мастеромъ. И этой скромности могли-бы позавидовать многія напыщенныя бездарности съ «грошевой аммуниціей и рублевой амбиціей», которыхъ немало встрѣчается во всѣхъ областяхъ искусства.

Жуковскому достался отъ Пушкина знаменитый перстень-талисманъ, который онъ хранилъ, какъ драгоцѣнное воспоминаніе о поэтѣ.

Въ 1832 г. Жуковскому снова пришлось лечиться и путешествовать. Онъ былъ въ Италіи и прожилъ нѣсколько недѣль въ Римѣ. Письма, писанныя имъ оттуда, представляются какъ по формѣ, такъ и по интереснымъ подробностямъ, образчиками тогдашней изящной прозы. Къ этому времени относится окончаніе имъ переложенія на русскій языкъ повѣсти Ламоттъ-Фуке — «Ундина». Жуковскій чувствовалъ слабость къ этому своему дѣтищу и хотѣлъ всячески украсить изданіе перевода. Къ книгѣ были сдѣланы прекрасные рисунки Майделемъ. «Ундина» появилась, изданная Смирдинымъ, въ 1837 году.

*

По достиженіи ученикомъ Жуковскаго совершеннолѣтія рѣшено было дать ему возможность познакомиться съ Россіей. Двѣ трети 1837 г. были посвящены путешествію великаго князя по родинѣ. Маршрутъ и «путеуказатель» были составлены Жуковскимъ и Арсеньевымъ. Въ это-то путешествіе сопровождавшій Цесаревича поэтъ, будучи въ Воронежѣ, обласкалъ Кольцова, еще ранѣе узнавъ его въ Петербургѣ. «Прасолъ» былъ въ восторгѣ отъ оказанной ему поэтомъ-царедворцемъ чести, о чемъ восторженно писалъ Краевскому. Въ это-же путешествіе Жуковскій посѣтилъ и Мишенское, произведшее на него грустное впечатлѣніе своимъ запустѣніемъ.

Послѣ путешествія по Россіи Жуковскій сопутствуетъ своему царственному питомцу по Европѣ. Тамъ, ознакомившись съ поэмой Гальма «Камоэнсъ», поэтъ нашелъ въ ней мысли и положенія, напоминавшія ему собственное душевное состояніе. Онъ перевелъ эту поэму и съ особенной любовью повторялъ ея послѣдній стихъ:

Поэзія есть Богъ—въ святыхъ мечтахъ земли!

Воспитаніе Наслѣдника и великихъ княженъ было окончено. Но Жуковскому скоро пришлось сопровождать Великаго Князя въ Дармштадтъ по случаю обрученія питомца съ принцессой дармштадтской. Жуковскій думалъ послѣ небольшого заграничнаго путешествія возвратиться въ Россію и поселиться въ Муратовѣ съ Екатериной Афанасьевной Протасовой и ея внуками. Но человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ: въ эту поѣздку онъ обручился съ дочерью своего стараго друга Рейтерна, молоденькой дѣвушкой, тогда какъ поэту было уже 57 лѣтъ. Онъ получилъ то «семейное счастіе», о которомъ мечталъ, но вскорѣ однако самъ говорилъ о своемъ вѣнцѣ, что въ него вплетены «тернія»...

До свадьбы Жуковскій поѣхалъ въ Россію. По случаю бракосочетанія Наслѣдника поэту были оказаны новыя почести и милости. Онъ, подобно «олимпійцу Гёте», получилъ титулъ тайнаго совѣтника и ему сохранено было все то—очень большое—содержаніе, которое онъ получалъ по должности наставника.

Мы должны обратить вниманіе на прекрасный поступокъ Жуковскаго, характеризующій его безкорыстіе и доброту. Будучи самъ «женихомъ» и, въ силу семейнаго долга, обязанный

думать о средствахъ для собственной семьи, — поэтъ однако всю выручку отъ продажи своего имѣнія (115 тысячъ рублей), раздѣливъ на 3 части, отдалъ тремъ дочерямъ покойной Александры Андреевны Воейковой.

Но какимъ образомъ устроился этотъ бракъ съ молоденькой дѣвушкой? Жуковскій познакомился съ дѣвицей Рейтернъ въ 1833 г., когда ей было не болѣе 12 лѣтъ. Имя Жуковскаго въ семействѣ Рейтерна произносилось съ благоговѣніемъ, чему можетъ-быть не мало способствовало и то обстоятельство, что, по ходатайству поэта, Рейтернъ былъ назначенъ придворнымъ живописцемъ, съ дозволеніемъ однако жить за-границей. Почтенный, пріятный и радушный старикъ Жуковскій не могъ не произвести впечатлѣнія на чувствительную дѣвочку. Она знала, что онъ—знаменитый поэтъ, что его произведеніями восторгается много людей, въ томъ числѣ и ея отецъ,—и въ головкѣ восторженной поклонницы имя Жуковскаго окружается ореоломъ и поэтическимъ вѣнцомъ. Нервная, мечтательная и наклонная къ мистицизму, дѣвушка давно уже лелѣяла это чувство привязанности къ поэту.

«За четверть часа до рѣшенія судьбы моей,—пишетъ Жуковскій къ Екатеринѣ Ивановнѣ Мойеръ (дочери Маши),—у меня и въ умѣ не было почитать возможнымъ, а потому и желать того, что теперь составляетъ мое истинное счастіе. Оно подошло ко мнѣ безъ моего вѣдома, безъ моего знанія, послано свыше, и я съ полною вѣрою въ него, безъ всякаго колебанія, подалъ ему руку.»

Однако съ тяжелымъ чувствомъ покидалъ онъ родину, какъ будто предчувствуя, что больше ея не увидитъ. 21-го мая 1841 г. совершилась свадьба поэта въ церкви русскаго посольства въ Штутгардтѣ. Всѣ послѣдующіе годы, до самой смерти, Жуковскій провелъ за границей, и ему не только не пришлось поселиться на родинѣ, какъ онъ мечталъ раньше, но даже не пришлось и увидѣть

Родного неба милый свѣтъ!

V.

Жуковскій въ обществѣ и дома.

Общая характеристика его прошлаго.—Отношенія къ молодымъ литераторамъ. — Ходатайства за декабристовъ. — Участіе въ судьбѣ Шевченко.—Лотерея спасаетъ талантъ для родины.—Помощь Никитенкѣ.—Письмо М. И. Глинки.– Мнѣніе о восточномъ вопросѣ.—Между порядкомъ и революціей.—Мнѣніе о смертной казни.—Ея романтическій ритуалъ по Жуковскому.—Любовь молодежи къ Жуковскому. — Островъ въ Царскомъ Селѣ. — Добродушіе и юморъ поэта.—Вечера у Смирновой. — Поэтъ склоненъ къ сибаритству и любитъ покушать.—Сцена съ Гоголемъ.—Разносторонность по части художественнаго.— Отношенія Николая I къ поэту.—Доступность и простота Жуковскаго.

Мы дошли до послѣдняго періода въ жизни Жуковскаго— его семейной исторіи и пребыванія за-границей, вдали отъ родины, къ которой онъ такъ привыкъ и которую несомнѣнно любилъ. Въ эти послѣдніе годы было немало печальныхъ дней для поэта: давала себя чувствовать старость; тоска по любимой родинѣ, а также и нѣкоторыя печальныя обстоятельства семейной жизни—все это подливало горечи въ чашу добродушнаго поэта. Но прежде, чѣмъ продолжать дальше, мы оглянемся на прошлое въ жизни героя этого очерка. Мы видѣли его живымъ и милымъ мальчикомъ въ Мишенскомъ, «поля и холмы» котораго онъ такъ задушевно воспѣлъ. Намъ знакомы его первые поэтическіе успѣхи и дѣятельность въ качествѣ редактора «Вѣстника Европы». Жуковскій зналъ очень многихъ лучшихъ русскихъ людей своего времени и въ молодости, въ союзѣ съ прогрессивными литературными силами, боролся въ «Арзамасѣ» съ отживающими традиціями прошлаго. Какъ наставникъ покойнаго государя, онъ заслуживаетъ нашей признательности за то, что заронилъ въ душу питомца, въ тѣ годы, когда сердце глубоко воспринимаетъ впечатлѣнія, сѣмена, которыя дали благородные всходы въ освободительныхъ реформахъ минувшаго царствованія. О его литературныхъ заслугахъ мы скажемъ въ концѣ очерка, а теперь дополнимъ образъ симпатичнаго поэта новыми данными о немъ, какъ о художникѣ, чутко относившемся ко всякому вновь появляющемуся дарованію, и какъ о добромъ человѣкѣ, а также разскажемъ о его привычкахъ и нѣкоторыхъ мелочахъ, которыя освѣтятъ его въ частной жизни.

Мы уже знаемъ отношенія Жуковскаго къ Пушкину, которому онъ уступалъ со скромностью первое мѣсто въ русской поэзіи. Дарованіе «прасола-поэта» А. В. Кольцова, какъ намъ извѣстно, встрѣтило сочувственную оцѣнку со стороны Жуковскаго. Творецъ художественной «пѣсни» былъ обласканъ Васильемъ Андреевичемъ и появлялся на его знаменитыхъ субботахъ въ Зимнемъ дворцѣ. А о посѣщеніи Жуковскимъ семейства Кольцовыхъ въ Воронежѣ у родныхъ прасола до сихъ поръ сохранились — нѣсколько легендарныя — воспоминанія. Многіе потомъ прославившіеся писатели были обязаны успѣхомъ своихъ первыхъ шаговъ Жуковскому; многимъ онъ помогалъ и облегчалъ участь. Цѣлый рядъ именъ мелькаетъ передъ нами: слѣпой Козловъ, Гоголь, Языковъ, Батюшковъ, Баратынскій и др. Постъ, на которомъ стоялъ Жуковскій, обязывалъ его къ извѣстному консерватизму и осторожности въ ходатайствахъ за людей. Но слѣдуетъ сказать безпристрастно, что поэтъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе подчинялся влеченіямъ своего сердца, чѣмъ соображеніямъ, которыя бы всегда имѣлись ввиду ловкимъ придворнымъ, дорожащимъ во что бы то ни стало своимъ положеніемъ и опасающимся всякаго «неосторожнаго» шага.

Яснѣе всего эта черта Жуковскаго выразилась въ его ходатайствахъ за декабристовъ. Извѣстны его хлопоты о Николаѣ Тургеневѣ.

«Прошу на колѣняхъ Ваше Величество, — говорится въ одной изъ просьбъ Жуковскаго за Тургенева къ Николаю I, — оказать мнѣ милость. Смѣю надѣяться, что не прогнѣваю Васъ сею моею просьбою. Не могу не принести ея Вамъ, ибо не буду имѣть покоя душевнаго, пока не исполню то, что почитаю священнѣйшею должностью...»

Во время путешествія по Россіи съ своимъ питомцемъ Жуковскій употребляетъ всѣ усилія помочь удаленнымъ въ Сибирь участникамъ 14-го декабря 1825 г. и дѣйствуетъ въ этомъ направленіи на великаго князя. Описавъ всю тяжесть положенія зассыльныхъ, Жуковскій, въ письмѣ на имя Государыни, заявляетъ:

«И всему этому будетъ исцѣленіемъ одно минутное появленіе царскаго сына, которое освѣтитъ и дальніе края посѣщенной имъ Сибири...»

Добрымъ словомъ нужно помянуть Жуковскаго и за Шевченко.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, какъ извѣстно, былъ крѣпостнымъ кіевскаго помѣщика и служилъ казачкомъ у него. Онъ съ дѣтства чувствовалъ страсть къ живописи и часто, путешествуя съ бариномъ, тайкомъ увозилъ съ постоялыхъ дворовъ лубочныя картинки, за что́ былъ высѣченъ розгами. Помѣщикъ отдалъ его въ 1832 г. къ одному петербургскому маляру. «Крѣпостной» живописецъ въ свѣтлыя весеннія ночи бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй. Онъ познакомился съ какимъ-то художникомъ, который представилъ его конференцъ-секретарю Академіи художествъ, В. И. Григоровичу. Послѣдній обратился за помощью къ Жуковскому. Поэтъ попросилъ Брюлова написать съ себя портретъ, который, съ помощью графа Віельгорскаго, разыграли въ лотерею за 2.500 р., на что́ и купили свободу Шевченки 22-го апрѣля 1838 г. Очень милая характеристика общественныхъ нравовъ: только благодаря случайной лотереѣ, выкупающей изъ «крѣпостныхъ путъ» Шевченко, родина пріобрѣтаетъ талантливаго поэта...

Но кромѣ вышеуказанныхъ, немало еще и другихъ «освободительныхъ» подвиговъ совершено Жуковскимъ. Такъ, изъ дневника Никитенки видно, что поэтъ помогъ ему выкупить изъ крѣпостной неволи мать, которую сначала не соглашался отпустить на волю магнатъ самодуръ. Никитенко, выражая негодованіе къ порядку вещей, обусловливающему подобныя явленія, заканчиваетъ строки своего дневника словами: «да благословитъ Богъ Жуковскаго!».

Еслибы мы вздумали приводить всѣ доказательства гуманности и сердечной отзывчивости Жуковскаго, то намъ вѣроятно пришлось бы исписать цѣлую книгу свидѣтельствами его современниковъ. Но мы ограничимся нѣсколькими отзывами лицъ, близко знавшихъ поэта.

М. И. Глинка, принося своей сестрѣ Л. И. Шестаковой въ даръ собраніе сочиненій Жуковскаго, писалъ ей:

«Прошу тебя, милая сестра, принять благосклонно мое это усердное приношеніе. В. А. Жуковскому обязанъ я многими, многими пріятными поэтическими минутами въ жизни; онъ же навелъ меня на оперу «Жизнь за Царя». Чистая, благородная душа Василія Андреевича ясно отразилась въ его твореніяхъ...»

«Жуковскій, — пишетъ Сологубъ,—былъ типомъ душевной чистоты, идеальнѣйшаго направленія и самаго свѣтлаго, тихаго добродушія, выражавшагося оригинально...»

И такой безобидный, корректный и, можно сказать, «святой» человѣкъ считался .. краснымъ когда-то. А послѣ его кончины Погодинъ долженъ былъ испрашивать у министра разрѣшенія окружить въ «Москвитянинѣ» черным бордюромъ извѣщеніе о смерти поэта!

Письма Жуковскаго представляютъ хорошій и интересный матеріалъ для его характеристики. Выдержки изъ посланій къ роднымъ мы приводили выше... Очень интересны письма поэта къ покойному в. к. Константину Николаевичу. Мы приведемъ выдержки изъ нихъ, такъ какъ тамъ видна независимая манера Жуковскаго въ перепискѣ съ высшими міра, а съ другой — съ большой рельефностью высказываются убѣжденія поэта. Такъ, въ большомъ письмѣ отъ 21-го октября 1845 г. поэтъ, отвѣчая на посланіе великаго князя, между прочимъ пишетъ:

«Византія—роковой городъ. Ею рѣшилось паденіе Рима. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала второю главою Имперіи, она сдѣлалась предметомъ хищничества дикихъ ордъ извнѣ и вертепомъ гнуснаго разврата внутри... Въ Цареградѣ православные русскіе цари исчезли бы для Россіи за стѣнами султанскаго сераля .. Нѣтъ, избави Богъ насъ отъ превращенія русскаго царства въ имперію Византійскую. Не брать и никому не давать Константинополя—этого для насъ довольно. Нѣтъ, Россіи, для ея блага, для ея истиннаго величія, не нужно внѣшняго ослѣпительнаго великолѣпія; ей нужно внутреннее, не блистательное, но строго-постоянное національное развитіе...»

Въ этомъ отрывкѣ выражаются взгляды Жуковскаго на *восточный* вопросъ, а также на нужды Россіи.

«Лучше тѣхъ границъ,—продолжаетъ поэтъ,—которыя теперь имѣетъ Россія, и выдумать ей невозможно (хотя и теперь уже есть для нея бѣдственные излишки); но горе, если мы захотимъ распространяться!»

Очень характерно для доброты Жуковскаго это отсутствіе шовинизма въ пѣвцѣ, который ранѣе «пламенѣлъ» въ своихъ патріотическихъ гимнахъ и одахъ.

Въ письмѣ отъ 5-го сентября 1841 г. поэтъ, говоря объ общественной жизни, пишетъ:

«Одинъ строгій порядокъ, вслѣдствіе коего все на своемъ мѣстѣ, еще не составляетъ благоденствія общественнаго... При *порядкѣ* должна быть *жизнь*. Порядокъ есть и на кладбищѣ, и тамъ его ничто не нарушаетъ, но это порядокъ гробовъ. Чтобъ было въ государствѣ *благоденствіе*, необходимо нужно, чтобъ все, что составляетъ жизнь души человѣческой, цвѣло безъ всякаго утѣсненія...»

Но какъ ни скромны эти пожеланія поэта, они все-таки были горькой ироніей надъ тогдашней жизнью нашей родины.

«Жизнь, - говоритъ онъ въ письмѣ 28-го октября 1842 г ,— между неподвижностью и разрушеніемъ. *Останавливать* движеніе или насильственно *ускорять* его – равно погибельно. Это равно справедливо и въ жизни частнаго человѣка, и въ жизни народа. Государи и князья живутъ двойною жизнью: народною и своею. Какъ *простые* люди, они должны понимать свое время, должны поставить себя на высоту своего вѣка своимъ всеобъемлющимъ просвѣщеніемъ, своею непотрясаемою правдою, основанною съ одной стороны на святой любящей правдѣ Христа, а съ другой - на строгой правдѣ закона гражданскаго. Какъ *представители народа*, они должны жить его жизнью, т. е. уважать его исторію, хранить то, что создали для него вѣка, и не *самовластно*, а слѣдуя указаніямъ необходимости, измѣнять то, что эти же творческіе вѣка измѣнили и что уже само собою стоять не можетъ... Однимъ словомъ, движеніе тихое есть *порядокъ* и благоденствіе, движеніе насильственное есть *революція*...»

Изъ этихъ выдержекъ ясно видна корректность политическихъ убѣжденій Жуковскаго; ни по самому его общественному положенію, ни по мягкости душевной, ни по традиціямъ, оковывавшимъ тогдашнее общество, мы бы не могли ждать отъ него бо́льшаго... И во всякомъ случаѣ здѣсь слышенъ голосъ человѣка, стоящаго хотя за нѣкоторое *развитіе* и *право* и довольно твердо говорящаго объ этомъ власть имѣющимъ. Ниже мы приведемъ выдержки изъ заграничныхъ писемъ Жуковскаго, относящихся къ 1848 г., когда въ Европѣ царила «анархія»... Мы увидимъ тогда, какъ возмущался поэтъ, любившій «тихую пристань» и dolce far niente, этими «буйствами черни».

Характеризуя взгляды Жуковскаго на разныя общественныя явленія, мы считаемъ не безъинтереснымъ привести мнѣніе его о смертной казни. Въ этомъ мнѣніи мы угадываемъ романтическаго поэта, для котораго указанный актъ «людского правосудія» представляетъ что-то мистически знаменательное. Мнѣніе Жуковскаго по этому предмету напоминаетъ одну изъ тѣхъ балладъ съ таинственными подробностями, которыя онъ переводилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ взглядѣ мы встрѣтимся и съ піэтизмомъ, составлявшимъ впослѣдствіи удѣлъ поэта, а также и съ страннымъ смѣшеніемъ понятій, въ которое впадаютъ даже очень гуманные люди.

Жуковскій, вспоминая объ ужасной, по своимъ подробно-

стямъ, казни надъ Манингами, возмущается совершеніемъ экзекуцій при балаганной обстановкѣ, въ присутствіи жестокой, балагурящей и наглой толпы.

«Что-же дѣлать?» спросите вы, — говоритъ поэтъ дальше. — Уничтожить казнь? Нѣтъ! *Страхъ* казни есть то-же въ цѣломъ народѣ, что *совѣсть* въ каждомъ человѣкѣ отдѣльно. Не уничтожайте казни, но дайте ей образъ величественный, глубоко трогающій и ужасающій душу... Дайте ей характеръ *таинства*, чтобъ всякій глубоко понималъ, что здѣсь происходитъ нѣчто, принадлежащее къ высшему разряду, а не варварскій убой человѣка, какъ быка на бойнѣ... Казнь не должна быть публичной.. Она должна быть окружена таинственностью страха Божія... Пусть наканунѣ казни призовутъ христіанъ на молитву по церквамъ о душѣ умирающаго брата... Внутри темницы и на мѣстѣ казни все должно имѣть характеръ примирительно христіанскій... Осужденный знаетъ, что не будетъ преданъ на поруганіе толпы, что изъ темницы перейдетъ чрезъ церковь въ уединеніе гроба... На пути отъ церкви къ мѣсту казни онъ будетъ провожаемъ пѣніемъ, выражающимъ молитву о его душѣ, и это пѣніе не прежде умолкнетъ, какъ въ минуту его смерти... И когда это будетъ совершаться внутри ограды, вокругъ которой будутъ толпы народа,—двери этой ограды будутъ заперты; изъ-за нея будетъ слышно только одно умоляющее пѣніе... Такой образъ смертной казни будетъ въ одно время и величественнымъ актомъ человѣческаго правосудія, и убѣдительною проповѣдью для нравственности народной...»

Широкими романтическими штрихами набросана въ приведенной нами обширной выдержкѣ картина казни, напоминающая сцену изъ «Трубадура». Но ужъ одно сопоставленіе имени Христа съ проявленіемъ людской жестокости къ провинившимся членамъ общества,—можетъ быть несчастнымъ жертвамъ его собственнаго неустройства,—нарушаетъ прелесть набросанной картины. И если отвратителенъ видъ жадной и жестокой толпы, смакующей подобныя зрѣлища, — то и ритуалъ казни по Жуковскому кажется профанирующимъ кроткое ученіе Христа.

Мы достаточно уже ознакомились съ свѣтлой личностью Жуковскаго и его убѣжденіями. Конечно въ этихъ убѣжденіяхъ многое для насъ устарѣло и даже для своего времени въ лицѣ его лучшихъ людей не особенно выдѣлялось прогрессивностью. Но не забудемъ, что тогда былъ вѣкъ Аракчеевыхъ, Магницкихъ и Руничей; тогда считался дѣятелемъ даже Булгаринъ, написавшій напримѣръ доносъ на Краевскаго за то, что тотъ непочтительно относится къ Жуковскому, а между тѣмъ послѣднимъ «написанъ народный гимнъ»... Мы видѣли доброту

и отзывчивость Жуковскаго, — всѣхъ онъ привлекалъ своей симпатичностью. Въ особенности льнули къ нему дѣти, которыя болѣе взрослыхъ чутки въ распознаваніи добрыхъ людей. Много есть указаній на то, какъ хорошо относилась къ нему молодежь, въ томъ числѣ и его августѣйшіе питомцы. Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ послѣдніе проводили лѣто, молодежи былъ отведенъ островъ на прудѣ; дѣти усадили его деревьями и цвѣтами; сами выстроили кирпичный домикъ и устроили въ немъ мебель. Впослѣдствіи Цесаревичъ поставилъ въ этомъ домикѣ бюстъ Жуковскаго, какъ воспоминаніе о счастливѣйшихъ дняхъ дѣтства. Жуковскій, писавшій для своихъ питомцевъ шуточныя стихотворенія, въ одномъ изъ нихъ описываетъ этотъ «райскій» уголокъ Царскаго Села.

Потомъ, когда Жуковскій сталъ самъ отцомъ, онъ придумывалъ для дѣтей всевозможныя игры, сочинялъ для нихъ учебники, таблицы и писалъ стихи, украшающіе теперь собою дѣтскія хрестоматіи.

Никто-бы не могъ подумать, что меланхолическій и скорбный въ своихъ произведеніяхъ Жуковскій былъ въ жизни очень веселымъ и съ несомнѣнной юмористической жилкой. Въ его литературной дѣятельности этотъ юморъ почти не выражается, а если и выражался, то весьма слабо. Извѣстны, напримѣръ, его комическіе протоколы засѣданій «Арзамаса», такъ называемые «долбинскія» стихотворенія, цѣлый рядъ посланій, напримѣръ къ Гнѣдичу:

Сладостно было-бъ принять мнѣ табакъ твой, о, выспренній Гнѣдичъ,
Буду усердно, пріявши перстами, преддверіемъ жаднаго носа,
Прахъ сей носить благовонный и, сладко чихая, сморкаться;
Будетъ платкамъ отъ того помаранье, а носу великая слава!

Затѣмъ нѣсколько тяжеловѣсный юморъ сквозитъ и въ его сказкахъ: «Война мышей и лягушекъ», «Котъ въ сапогахъ» и др. Но во всякомъ случаѣ эти произведенія не являются самыми лучшими, характерными для таланта Жуковскаго. Между тѣмъ въ жизни онъ былъ большой юмористъ и весельчакъ, хотя эта веселость съ годами и пріобрѣтавшейся вмѣстѣ съ ними тучностью нѣсколько убывала.

Въ салонѣ Смирновой, о которомъ мы выше говорили, царили непринужденность и простота, и тамъ-то Жуковскій,

Пушкинъ, Вяземскій и другіе соперничали въ остроуміи и шуткахъ. Жуковскаго тамъ звали «Жукъ» и «Бычокъ»—последнее за то, что онъ, имѣя густой басовый голосъ, при смѣхѣ мычалъ. Пушкина въ кружкѣ Смирновой величали «Сверчкомъ» и «Искрой». Когда Смирнова надѣвала бѣлое платье (она была сильная брюнетка), Жуковскій звалъ ее «Мухой въ молокѣ». Смѣхъ, шутки, пѣніе разнообразили времяпрепровожденіе этого кружка. Но часто происходили и серьезные разговоры, гдѣ Пушкинъ поражалъ блескомъ и красотой своихъ мыслей, а Жуковскій, какъ мы и раньше сказали, обнаруживалъ солидную начитанность.

Доброту Жуковскаго многіе эксплуатировали, но горькіе опыты жизни все-таки не проучили его быть болѣе осторожнымъ въ оказываніи помощи. Изъ записокъ Смирновой мы между прочимъ узнаемъ, что поэтъ давалъ деньги на образованіе черногорскихъ студентовъ и просилъ Смирнову устроить сборъ въ пользу сербскихъ.

Въ зрѣлые годы, когда кровь не такъ уже «кипитъ» и нѣтъ «избытка силы», Жуковскій обнаруживалъ нѣкоторую склонность къ нѣгѣ, сибаритству. Онъ любилъ свой халатъ, туфли и янтарный мундштукъ, и вся его фигура, дышавшая благодушіемъ, производила впечатлѣніе симпатичнаго бонвивана. Уютная и удобная обстановка квартиры его дополняла общее впечатлѣніе. Смирнова сообщаетъ, что онъ любилъ и покушать, причемъ галушки и кулебяка были любимыми блюдами поэта, страсть къ которымъ раздѣлялъ и Гоголь. Отъ всей фигуры Жуковскаго, обыкновенно у себя дома сидѣвшаго съ трубкой, съ поджатыми ногами на широкомъ диванѣ,—вѣяло чѣмъ-то патріархальнымъ, мирнымъ и ласковымъ.

Разъ пришелъ къ Жуковскому Гоголь—спросить мнѣніе о своей пьесѣ. Послѣ обѣда Гоголь сталъ читать. Жуковскій, любившій въ этотъ часъ подремать, уснулъ.

— Я просилъ вашей критики... Вашъ сонъ—лучшая критика!—сказалъ обиженный Гоголь и сжегъ рукопись.

Относительно скромности Жуковскаго, какъ писателя, мы не будемъ приводить многихъ примѣровъ: она всѣмъ извѣстна. Когда у Смирновой Пушкинъ сталъ говорить, что Жуковскій — его учитель, Василій Андреевичъ покраснѣлъ, какъ юная дѣвушка. Жуковскій жаловался Никитенкѣ на «Отече-

ственныя Записки», которыя очень хвалили поэта, такъ что тому было неловко.

— Странно,—добродушно при этомъ замѣтилъ Жуковскій,— меня многіе считаютъ поэтомъ унынія, а я склоненъ къ веселости, шутливости и карикатурѣ!

Жуковскій былъ разносторонен по части художественнаго. Онъ пѣлъ, рисовалъ акварелью и масляными красками, недурно гравировалъ. Все это, вмѣстѣ съ симпатичной наружностью, дѣлало его дорогимъ во всякомъ обществѣ, и немудрено, что онъ имѣлъ такой большой успѣхъ даже въ высшемъ свѣтѣ. Императоръ Николай I очень уважалъ Жуковскаго, исполнялъ его просьбы и часто подолгу бесѣдовалъ съ нимъ. Удѣляя время и на разговоры съ Пушкинымъ, государь разъ сказалъ послѣднему:

— Про наши бесѣды говори только съ людьми *вѣрными*, напримѣръ, съ Жуковскимъ.

Но всѣ эти почести, всѣ безчисленные ордена, которые получилъ пѣвецъ «Свѣтланы» какъ отъ Николая I, такъ и отъ многихъ европейскихъ государей, и чинъ тайнаго совѣтника не сдѣлали Жуковскаго гордецомъ и вельможей, отгороженнымъ отъ толпы китайской стѣной, что, какъ извѣстно, нерѣдко случается съ людьми, когда ихъ возноситъ судьба: онъ до конца жизни сохранилъ свою привѣтливость и доступность для всѣхъ.

VI.

Послѣдніе годы жизни.

«Семейное счастье».—Недовольство «матеріализмомъ» въ жизни и литературѣ. — Письмо къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ — Поэтическая производительность Жуковскаго. — Орелъ-Гомеръ и паукъ-Жуковскій. — «Одиссея» и «Иліада». — Рожденіе дочери и сына.—Печали.—Вѣра въ таинственное. — Привидѣніе въ Дюссельдорфѣ.—Рейтерны и Гоголь. — Ихъ мистицизмъ. — «Капитанъ Боппъ» и «Выборъ креста».—Политическія волненія.—Отрицательное отношеніе къ нимъ поэта.—Святая Русь.—Переписки съ в. к. Константиномъ Николаевичемъ. — Болѣзнь жены Жуковскаго. — Планъ о нейтрализаціи Іерусалима.—Мечты о поѣздкѣ на родину.—Лебедь.—Болѣзнь глазъ. — Приглашеніе священника.—Суета суетъ!—Смерть поэта.—Его лебединая пѣсня.

Жуковскій не ожидалъ, что ему не придется увидѣть родины и что смерть закроетъ ему глаза внѣ любимой Россіи.

Онъ нѣсколько разъ порывался вернуться домой, но болѣзнь то его самого, то жены, то холера, свирѣпствовавшая въ Россіи, мѣшали осуществленію лелѣемыхъ въ душѣ плановъ.

Съ женитьбы началась новая эра въ жизни Жуковскаго. «Семейное счастье» поздно пришло къ нему: у него, «дѣйствительнаго холостяка», какъ онъ шутливо звалъ себя прежде, образовался уже циклъ извѣстныхъ привычекъ, которыя нерѣдко нарушала семейная жизнь. Мягкость Жуковскаго и его сострадательное сердце нерѣдко подвергались испытаніямъ то за часто болѣвшую жену, то за любимыхъ дѣтей. Отсюда становятся понятными его письма къ друзьямъ, въ которыхъ слышатся затаенныя жалобы на свое положеніе.

«Промыслъ Божій, — пишетъ онъ А. О. Смирновой, — надѣлъ на мою беззаботную жизнь, сохранившую до старости дѣтскую безпечность, вѣнецъ семейнаго счастія, и это счастіе досталось мнѣ именно такое, какого я желалъ во снѣ и на яву; но вѣнецъ этотъ — есть вѣнецъ божественный; слѣдственно въ него должны быть необходимо вплечены терны изъ этого вѣнца, передъ которымъ всѣ другіе земные вѣнцы исчезаютъ... Я отданъ въ ученіе терпѣнью; сначала было весьма трудно и отъ непривычки неловко...»

Разлука со многими хорошими друзьями и родными тоже не могла не дѣйствовать угнетающе на поэта. Къ общимъ причинамъ могло примѣшиваться и частное недовольство тѣмъ, что поэзія романтизма, которой онъ явился провозвѣстникомъ на Руси, не играла уже главной роли въ литературѣ, и что его имя можетъ-быть уже стушевывалось передъ другими именами, гремѣвшими тамъ... Послѣ Пушкина теперь ярко засіяла звѣзда Гоголя. По свойствамъ своего таланта, по традиціямъ и душевнымъ качествамъ, Жуковскій не могъ особенно сочувствовать «реалистической» литературѣ. Отголосокъ такого взгляда на современную словесность можно усмотрѣть въ его письмѣ (19 октября 1849 г.). къ в. к. Константину Николаевичу.

«Что̀ значитъ отсутствіе поэзіи, — пишетъ онъ, — это ясно показываетъ наше бѣдственное, прозаически-разрушительное время, въ которомъ все, одной душѣ принадлежащее, — все святое, божественно-историческое уничтожено. Дорого, свято̀ и уважаемо теперь только то, что̀ можно ощупать руками, что̀ можно законно или незаконно положить въ карманъ, что̀ можно счесть на счетахъ или свѣсить: грубый матеріализмъ властвуетъ, всякая безусловная вѣра смѣшна...»

Первый годъ супружества Жуковскій, если судить по его произведеніямъ и перепискѣ, былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Въ это время имъ написаны сказки: «Объ Иванѣ-Царевичѣ и сѣромъ волкѣ» и «Котъ въ сапогахъ», исполненныя извѣстной веселости. Въ письмѣ къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (въ 1842 г.) онъ сообщаетъ о довольствѣ своей участью. Описавъ домъ въ Дюссельдорфѣ, гдѣ жилъ, поэтъ продолжаетъ:

«Тамъ провелъ я мирно и однообразно десять мѣсяцевъ, совершенно отличныхъ отъ всей прошлой моей жизни. Въ это время, будучи преданъ исключительно жизни семейной, я познакомился съ нею коротко. Знаю теперь, что только въ ней можно найти то, что̀ на землѣ можно назвать счастіемъ; но также знаю, что это̀ счастіе покупается дорогою цѣною...»

Хотя поэтъ и говоритъ о «счастіи», но съ такими оговорками, что онѣ заставляютъ сомнѣваться въ огромности этого счастія.

Первые годы семейной жизни были довольно производительны для Жуковскаго въ литературномъ отношеніи. Въ началѣ 1842 г. онъ кончилъ «Наль и Дамаянти». Вѣрный своему уже ранѣе усвоенному поэтическому призванію, поэтъ мало обращаетъ вниманія на бѣгущую мимо него дѣйствительную жизнь, съ ея горемъ и радостями, а живописуетъ художественной кистью минувшее. Увлекшись произведеніями древне-индѣйской литературы, онъ рѣшился перевести (съ нѣмецкихъ переводовъ Рюккерта и Боппа) изъ индѣйскаго эпоса часть «Магабараты», изображающую трогательную исторію любви Наля и Дамаянти.

Русскимъ читателямъ знакома эта поэма Жуковскаго, большіе достоинства которой составляютъ сдѣланныя прекраснымъ поэтическимъ языкомъ описанія роскошной природы Индіи и живость разсказа, вмѣстѣ съ трогательностью въ изображеніи печальнаго романа героевъ.

Въ это же время поэтъ началъ переводъ (съ нѣмецкаго переложенія) «Одиссеи», который былъ законченъ въ 1849 г. Прибавимъ кстати, что Жуковскимъ переведены и начальныя пѣсни «Иліады».

Поэтъ давно уже лелѣялъ мысль о переводѣ «старика Гомера». На переводъ «Одиссеи» онъ смотрѣлъ, какъ на высшую задачу своей поэтической дѣятельности, и придавалъ этому

труду большую важность, съ особенной любовью занимаясь имъ.

«Новѣйшая поэзія,—писалъ онъ къ великому князю Константину Николаевичу,—конвульсивная, истерическая, мутная, мутящая душу, мнѣ опротивѣла; хочется отдохнуть посреди свѣтлыхъ видѣній первобытнаго міра...» Дописывая «Одиссею», онъ сообщалъ: «Я—русскій паукъ—прицѣпился къ хвосту орла-Гомера, взлетѣлъ съ нимъ на его высокій утесъ и тамъ, въ недоступной трещинѣ, соткалъ для себя пріютную паутину. Могу похвастать, что этотъ совѣстливый, долговременный и тяжелый трудъ совершенъ былъ съ полнымъ самоотверженіемъ, чисто для одной прелести труда...»

Поэту было непріятно, что то произведеніе, которое онъ называлъ лучшимъ произведеніемъ своимъ, читатели приняли съ равнодушіемъ. По этому поводу онъ писалъ Нащокину:

«Я узналъ по опыту, что можно любить поэзію, не заботясь ни о какой извѣстности, ни даже объ участіи тѣхъ, чье одобреніе дорого. Онѣ имѣютъ большую прелесть; но сладость поэтическаго созданія—сама собою награда...»

Среди треволненій заграничной жизни, среди приступовъ недомоганій и тоски за болѣвшую жену у Жуковскаго бывали и радостныя событія: рожденіе дочери (1842 г.) и сына (1845 г.) повергли въ умилительное состояніе отца, видѣвшаго въ этомъ особенный даръ неба. Почти уже съ первыхъ дней жизни дѣтей любящій отецъ задумывается надъ вопросами воспитанія своего потомства и, какъ уже бывалый и умѣлый педагогъ, придумываетъ для него разныя занятія и старается облегчить усвоеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя намѣренъ сообщить, придавая имъ наиболѣе простыя и удобныя формы. Занятія, разговоры и игра съ дѣтьми были однимъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ лучей, которые освѣщали послѣдніе годы поэта. Но надвигались и печали на благодушнаго Жуковскаго. Цѣлый рядъ лицъ, которыхъ онъ любилъ и еще такъ недавно зналъ здоровыми и сильными, перешелъ въ «лучшій міръ». Умерла дочь Воейковой—Катя, умерла въ цвѣтѣ молодости великая княгиня Александра Николаевна, которой онъ только-что посвятилъ «Наля и Дамаянти»; скончались Тургеневъ и Елагинъ. Свѣтло-грустное чувство, съ которымъ онъ прежде провожалъ въ «тотъ міръ» дорогихъ сердцу и которое подсказало ему стихи:

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
А съ благодарностію: были! —

Это чувство порою начинало принимать болѣе печальный и даже мрачный оттѣнокъ. Можетъ-быть сознаніе, что онъ уже скоро и самъ дойдетъ до конца жизненной дороги, постоянно недомогая и будучи уже старымъ, придавало особенно печальный тонъ его размышленіямъ о жизни и смерти, хотя и прежнее воззрѣніе на смерть, какъ на переходъ въ «лучшій міръ», не всегда его покидало...

«Вчера получилъ ваше письмо, — пишетъ Жуковскій Елагиной по поводу смерти Кати Воейковой, — оно наполнило душу умиленіемъ и перенесло на минуту въ святое мѣсто, гдѣ ей представилось лучшее, что на землѣ совершается: разставаніе чистой души съ здѣшнею жизнію. Милая Катя! Итакъ, она теперь съ своею матерью! А вамъ Богъ даровалъ снарядить ее въ эту благословенную дорогу. Бывало, она въ вашей семьѣ веселилась, какъ ребенокъ; теперь, окруженная тѣми же товарищами веселыхъ часовъ, перешла съ ребяческою ясностью въ лучшую жизнь...»

Въ такомъ состояніи, когда жизнерадостность прошла и жизнь уже начинаетъ казаться тяжелымъ бременемъ, естественно прибѣгать къ религіи. Жуковскій съ дѣтства былъ религіозенъ и живая вѣра въ «Промыслъ» никогда его не покидала. Но при тѣхъ условіяхъ и въ томъ обществѣ, гдѣ онъ вращался за-границею, у него эта религіозность переходила уже въ мистицизмъ. Онъ сталъ вѣрить въ таинственное, въ привидѣнія и даже разсказываетъ о призракѣ, видѣнномъ имъ съ женою въ зданіи дюссельдорфской академіи. Какъ общество Рейтерновъ, такъ и довольно частыя свиданія съ Гоголемъ, удрученнымъ за это время своей меланхоліей,—все дѣйствовало въ одномъ направленіи на уставшую душу поэта. Въ такіе періоды муза Жуковскаго дарила произведеніями религіознаго характера и выбирала изъ кипучаго источника европейской поэзіи лишь соотвѣтствовавшій удрученному состоянію души матеріалъ. Такъ, въ это время написана повѣсть «Капитанъ Боппъ», гдѣ юнга-мальчикъ спасаетъ грубаго и жестокаго капитана отъ нравственной погибели, читая ему Евангеліе и обращая въ молитвѣ ко Христу.

Интересна еще повѣсть «Выборъ Креста», взятая изъ Шамиссо и какъ бы представляющая отвѣтъ на жалобы о «тяжести креста», доставшагося самому Жуковскому. Содержаніе ея такое. Заснувшій, усталый странникъ жалуется пе-

редъ Богомъ, что крестъ, который онъ несетъ, слишкомъ тяжелъ для него, но вотъ онъ видитъ передъ собой массу крестовъ различной величины и ему слышится голосъ:

Передъ тобою всѣ кресты земные
Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми!

Путникъ перебираетъ кресты; но всѣ они тяжелы; наконецъ онъ беретъ простой, незамѣченный раньше крестъ и этотъ какъ-разъ ему пришелся. Странникъ сказалъ: «Господи, позволь мнѣ взять этотъ крестъ!» И взялъ его, но это оказался тотъ самый крестъ, который онъ и раньше несъ.

Скоро для Жуковскаго въ его заграничной жизни прибавились новыя непріятности. Подошелъ 1848 г., а съ нимъ и волненія, пробѣжавшія бурнымъ вихремъ по всей Германіи. Старый, привыкшій къ покою и far niente, выросшій далеко отъ политическихъ бурь поэтъ,—близкій другъ царскаго семейства, конечно не могъ не только одобрить, но даже и понять тѣхъ «неистовствъ черни буйной», которыя пришлось ему видѣть на Западѣ. И тутъ снова передъ нимъ встаетъ въ воображеніи «Святая Русь», гдѣ шло, казалось, все мирно и гладко, гдѣ народъ—добрый и искони приверженный къ основамъ. И конечно буйный западъ, при сравненіи со «святой родиной», во всѣхъ отношеніяхъ никуда не годился.

Поздравляя великаго князя Константина Николаевича (въ 1848 г.) съ женитьбою, Жуковскій пишетъ:

«И теперь вмѣсто того, чтобъ радоваться вмѣстѣ съ русскимъ народомъ новому семейному счастію въ домѣ царскомъ, я долженъ скучать на чужѣ, окруженный безумными смутами, которыхъ хорошая сторона для меня та, что онѣ живѣе убѣдятъ всѣхъ русскихъ въ томъ, какое великое сокровище заключается въ этомъ историческомъ, патріархальномъ, сыновнемъ подданствѣ царю, которое изъ великаго царства дѣлаетъ одно великое семейство. Теперь болѣе, нежели когда-нибудь, подымается душа моя при мысли о томъ, что такое наша Россія, наша святая Русь, какая передъ нею лежитъ дорога и къ чему она дойти предназначена...»

Въ письмѣ къ князю Вяземскому, приславшему Жуковскому свое стихотвореніе «Святая Русь», поэтъ сообщаетъ:

«На бѣду мою надобно еще слышать и слушать вой этого всемірнаго вихря, составленнаго изъ разныхъ безчисленныхъ криковъ человѣческаго безумія,—вихря, который грозитъ все поставить вверхъ дномъ. Какой тифусъ взбѣсилъ всѣ народы и какой параличъ сбилъ съ ногъ всѣ правительства! Никакой человѣческій

умъ не могъ бы признать возможнымъ того, что случилось и что въ нѣсколько дней съ такою демоническою, необоримою силою опрокинуло созданное вѣками...» «Твои стихи,—пишетъ онъ дальше,— поэтическій крикъ души, производятъ очаровательное дѣйствіе въ присутствіи чудовищныхъ происшествій нашего времени. Святая Русь—какое глубокое значеніе получаетъ это слово теперь, когда видишь, какъ все кругомъ насъ валится... *Святое* утрачено; крѣпкій цементъ, соединявшій такъ твердо камни вѣкового зданія, по плану Промысла построеннаго, исчезъ мало-по-малу, уничтоженный ѣдкою дѣятельностью ума человѣческаго Что воздвигнется и можетъ ли что воздвигнуться на этой грудѣ развалинъ, мы знать и предвидѣть не можемъ. Между тѣмъ наша звѣзда, *Святая Русь*, сіяетъ высоко, сіяетъ въ сторонѣ...» «Оглянувшись на западъ теперешней Европы, что увидимъ? Дерзкое непризнаніе участія Всевышней Власти въ дѣлахъ человѣческихъ выражается во всемъ, что теперь происходитъ на собраніяхъ народныхъ. Эгоизмъ и матеріальность царствуютъ. Чего тутъ ждать живого?»

Такъ брюжжалъ старикъ Жуковскій на «новыя вѣянія» и безумства, принужденный, благодаря этимъ волненіямъ, переѣзжать изъ города въ городъ.

Жена Жуковскаго страдала сильнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ, и это давало много горькихъ минутъ поэту и усугубляло его собственныя страданія. Болѣзнь супруги Жуковскаго усиливала ея мистическое настроеніе и заставляла отдаваться съ глубокой вдумчивостью религіознымъ вопросамъ. Но задуманный ею переходъ въ католичество заставилъ мужа возстать съ энергіей противъ такого намѣренія. Какъ извѣстно, Елисавета Алексѣевна приняла впослѣдствіи православіе.

Собравшись въ 1848 г. въ Россію, Жуковскій долженъ былъ, въ виду свирѣпствовавшей тамъ холеры, опять остаться въ Германіи. Юбилей 50-ти-лѣтней литературной дѣятельности Жуковскаго былъ отпразднованъ на родинѣ 29-го января 1849 г. безъ виновника торжества, въ присутствіи Цесаревича, въ квартирѣ князя Вяземскаго.

«Романтизмъ» не покидалъ Жуковскаго и въ эти старые годы. Въ его письмахъ, какъ и въ произведеніяхъ, всегда звучатъ отголоски чего-то таинственнаго, высокаго и необыденнаго. Послѣ венгерской кампаніи, такъ усилившей престижъ Россіи въ Европѣ, поэтъ въ письмѣ къ великому князю Константину Николаевичу высказываетъ мысль, что настало время, когда Россія могла бы разомъ сдѣлать то, чего не сдѣлали всѣ крестовые походы,—спасти Іерусалимъ отъ власти турокъ.

«Оставайся Сирія и съ нею Палестина во власти турокъ,— говоритъ поэтъ,—но мѣсто, гдѣ совершилось спасеніе человѣчества,—мѣсто, освященное земною жизнію и искупительною смертію Спасителя, не должно оставаться во власти враговъ его. По всѣмъ сердцамъ ударитъ молнія вдохновенія и восторга, когда нашъ великій царь скажетъ въ совѣтѣ царей: «Отдадимъ Богу Божіе! Святой Гробъ Спасителя и Святой Градъ, его заключающій, должны принадлежать не Россіи, Англіи и проч. и не туркамъ, а Богу-Спасителю...»

Въ 1848 г. Жуковскіе, поѣхавъ въ Ганау, чтобъ посовѣтоваться съ докторомъ Коппомъ, должны были сейчасъ же уѣхать оттуда обратно во Франкфуртъ, потому что въ Ганау царствовала анархія «во всей своей неопрятности», какъ выражается поэтъ. Отъ испуга Елисавета Алексѣевна опять слегла въ постель... Нервныя страданія ея были ужасны.

«Разстройство нервическое,—писалъ Василій Андреевичъ еще раньше къ Зейдлицу,—это чудовище, котораго нѣтъ ужаснѣе, впилось въ мою жену всѣми своими когтями, грызетъ ея тѣло и еще болѣе грызетъ ея душу. Эта моральная, несносная, все губящая нравственная грусть вытѣсняетъ изъ ея головы всѣ ея прежнія мысли и изъ ея сердца—всѣ прежнія чувства, такъ что она никакой нравственной подпоры найти не можетъ ни въ чемъ и чувствуетъ себя всѣми покинутой..»

Здоровье и самого поэта ухудшалось, въ особенности было для него печально то, что глаза болѣли и отказывались служить. Изобрѣтательный больной придумалъ машинку, при помощи которой,—съ грѣхомъ пополамъ однако,—могъ еще писать. Оторванный отъ родины и больной, онъ не перестаетъ слѣдить за русской литературой изъ своего «далека». Въ 1851 г. поэтъ пишетъ Плетневу:

«Благодарю васъ за доставленіе стиховъ Майкова. Я прочиталъ ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Майковъ имѣетъ истинный поэтическій талантъ... Дай Богъ ему пріобрѣсть взглядъ на жизнь съ высокой точки и избѣжать того эпикуреизма, который заразилъ поэтовъ и осквернилъ поэзію нашего времени... Не знаете ли чего о Гоголѣ? Онъ для меня пропалъ. Говорятъ, что онъ кончилъ вторую часть «Мертвыхъ Душъ» и что это—чудесно хорошо. Если будетъ напечатано, пришлите немедленно»...

Мысль о переѣздѣ въ Россію не покидала поэта и высказывалась, въ задушевныхъ словахъ, во многихъ письмахъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ быть на родинѣ въ Москвѣ ко дню празднованія 25-ти-лѣтія царствованія императора Николая I, къ августу 1851 г. Но этому намѣренію не суждено было осуществиться, хотя онъ и писалъ друзьямъ объ устройствѣ помѣ-

щенія для семьи. Изъ этой переписки мы узнаемъ, что Жуковскій собирался пріѣхать въ Россію съ большимъ штатомъ прислуги. Кстати укажемъ здѣсь, что поэтъ заграницею велъ жизнь довольно широкую, на что́ у него конечно хватало средствъ, въ изобиліи предоставленныхъ ему за услуги, оказанныя царскому дому.

Къ послѣднему году жизни поэта относится его стихотвореніе про «Царскосельскаго Лебедя», который представлялся ему символомъ его собственнаго положенія:

Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый,
А когда допѣлъ онъ,—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши,
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... И навзничъ съ высоты упалъ онъ
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ, ужъ не горящій...

Лебедь-поэтъ допѣвалъ свои послѣднія пѣсни. За время жизни заграницею, помимо уже указанныхъ, были написаны: повѣсть изъ «Шахъ-Намэ» (переведенная съ нѣмецкаго)— «Рустемъ и Зорабъ» и неоконченная поэма «Агасферъ»—вѣчный жидъ, представлявшая его послѣднюю «лебединую пѣсню». Основная мысль этой поэмы, внушенная Жуковскому главнымъ образомъ событіями послѣднихъ лѣтъ жизни, та, что страданія приводятъ человѣка къ высшему благу на землѣ — къ вѣрѣ, которая и спасаетъ погибающихъ.

Наступила весна 1851 г., послѣдняя въ жизни Жуковскаго. Онъ сталъ готовиться къ окончательному, какъ мы упомянули ранѣе, переѣзду въ Россію и торопился, но опять заболѣлъ воспаленіемъ глазъ, засадившимъ его въ комнаты на цѣлые 10 мѣсяцевъ. 19 марта 1852-го года онъ писалъ своему другу Зейдлицу: «Перспектива завестись собственнымъ домомъ въ Дерптѣ меня веселитъ», а уже 12 апрѣля его «домомъ» сталъ гробъ.

Въ февралѣ 1852 г. Жуковскій, жившій въ Баденъ-Баденѣ, приглашалъ къ себѣ священника изъ Штутгарта, но затѣмъ отложилъ пріѣздъ его до апрѣля. Онъ только-что сѣтовалъ въ письмѣ къ Плетневу о кончинѣ Гоголя, а смерть подкрадывалась уже и къ нему самому.

Священникъ пріѣхалъ 7-го апрѣля. Рѣшили причастить больного 9 апрѣля. Печальныя слова срывались съ устъ больного въ преддверіи этой страшной тайны — смерти. На порогѣ къ концу всякій невольно оглядывается на пройденную жизнь и съ ужасомъ замѣчаетъ, какъ она безплодно и страдальчески пережита... И во многихъ устахъ слышится искренно знаменитое восклицаніе Соломона: «Суета-суетъ!»

— Жизнь, все—жизнь, исполненная пустоты!—говорилъ больной.

Онъ съ умиленіемъ обратился къ причастившимся дѣтямъ:

— Дѣти мои, дѣти! Вашъ Богъ былъ съ вами. Онъ Самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь. Радуйтесь, мои милые!

Когда на другой день священникъ уѣзжалъ, поэтъ говорилъ:

— Вы — на пути; какое счастіе идти, куда захочешь, ѣхать, куда надо! Не умѣешь цѣнить этого счастія, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нѣтъ его!

Затѣмъ онъ перешелъ къ дѣтямъ, къ занятіямъ съ ними:

— Вообразите,—сказалъ больной,—они плакали, когда я разсказывалъ имъ послѣднюю вечерю Христа, его Геѳсиманскую молитву!

Хотя онъ и домашніе, кажется, не считали кончины его близкой, но на другой день, къ вечеру, больной впалъ въ забытье; порою онъ узнавалъ своихъ, позвалъ дочку и сказалъ:

— Поди, скажи матери: я теперь нахожусь въ ковчегѣ и высылаю перваго голубя — это моя вѣра, другой голубь мой— это терпѣніе!

Онъ умеръ ночью этого дня. Тѣло его перевезли въ Петербургъ и похоронили въ Александро-Невской лаврѣ рядомъ съ Карамзинымъ. Воспитанникъ провожалъ прахъ своего наставника на мѣсто «послѣдняго упокоенія».

Но со смертью такихъ людей, какъ Жуковскій, не все погибаетъ: они оставляютъ послѣ себя кое-что безсмертное и нетлѣнное...

VII.

Значеніе Жуковскаго, какъ поэта.

Бурное время.—Возбужденныя и разбитыя надежды.– Исканіе новыхъ началъ.—Старая литературная школа: «псевдо-классицизмъ».—Элементы, изъ которыхъ создался романтизмъ.—Скудость и несамостоятельность нашей литературы.—Поэзія Жуковскаго, помимо субъективнаго, вызвана и историческими причинами.—Односторонность его заимствованій съ Запада.—Указаніе на вредъ меланхоліи и мистицизма.—Оригинальный характеръ поэтической дѣятельности Жуковскаго.—Афоризмъ о паукѣ и пчелѣ.—Знаменитые переводы.—«Вѣчная Красота».—Отсутствіе общественнаго содержанія въ поэзіи Жуковскаго.—Несогласованность ихъ съ дѣйствительностью.—Благотворность поэзіи Жуковскаго.—Новое содержаніе и форма.—Освобожденіе языка отъ архаизмовъ.—Простота и красота рѣчи Жуковскаго.—Отзывъ Бѣлинскаго.

Бурное время переживала Европа въ концѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтій. Особенно возбужденное состояніе умовъ, характеризующее эту эпоху, представляло результатъ какъ извѣстныхъ экономическихъ условій, становившихся все болѣе и болѣе невыносимыми для массъ, такъ и предшествовавшихъ политическихъ, религіозныхъ и литературныхъ движеній. Смѣлыя и широкія философскія обобщенія, реалистическія воззрѣнія энциклопедистовъ, соціальныя и политическія ученія мыслителей, разливаясь широкими потоками въ массахъ, являлись могучими стимулами для болѣе критическаго отношенія къ жизни... Кипучій потокъ идей, возбужденныхъ Кантомъ, Руссо, Монтескьё, Вольтеромъ, энциклопедистами, Гёте, Шиллеромъ—и еще многими, и многими гигантами мысли и горячаго чувства, выразился, помимо умственнаго переворота, и въ тѣхъ политическихъ и экономическихъ волненіяхъ, которыми полна указанная эпоха. Въ вихрѣ этого потока раздались громы французской революціи, распространившей по всей Европѣ «освободительныя» идеи и, въ свою очередь, закончившейся военной диктатурой и реставраціей. Эти «освободительныя» идеи, давъ толчокъ умственнымъ движеніямъ въ европейскихъ государствахъ, возбудили всеобщія надежды на счастіе, на «миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе»,—на возможность уврачеванія тѣхъ глубокихъ ранъ, которыя терзали общество.

Но—увы!—радужныя надежды, возлагавшіяся на революцію, на провозглашенныя ею «права человѣка» не оправдались и задохлись подъ гнетомъ реакціи. Неудовлетворенные и изму-

ченные умы, не получивъ желаемаго въ области дѣйствительнаго, создавали культъ мистическаго и фантастическаго, — страну вымысловъ, гдѣ возможны были всякія построенія событій и осуществленіе всякихъ надеждъ. Жизнь была скучной прозой, разбившей свѣтлыя иллюзіи вольнаго человѣческаго духа, и оскорбленный духъ отдавался абстрактностямъ, уносился къ преданіямъ далеко минувшаго, гдѣ искалъ осуществленія идеаловъ. Человѣческая справедливость оказалась гнусной, и мысль обращалась къ божественной справедливости. Свирѣпствовавшая реакція и не осуществившіяся, несмотря на блаженныя упованія, надежды порождали индифферентизмъ къ жизни дѣйствительной, возбуждали меланхолическую тоску объ утратахъ минувшаго и по небесной отчизнѣ; въ поэзіи и литературѣ обнаружилось чрезмѣрное проявленіе внутреннихъ, лирическихъ порывовъ тосковавшей души. Но все-таки не вездѣ еще угасла вѣра въ торжество только-что разбитыхъ идеаловъ: литература обращалась и къ нимъ, пользуясь однако уже новыми литературными формами.

Не нужно забывать и того, что старая литературная школа, такъ называемый «псевдо-классицизмъ», уже не удовлетворяла своей сухостью и педантизмомъ, своими «тремя единствами», своими напыщенными и далекими отъ бившей въ глаза дѣйствительности героями. Эта литературная форма, гдѣ все было такъ высокопарно, гдѣ героями не могли являться представители «подлыхъ» сословій, а лишь лица высокаго происхожденія и ранга,—создалась и расцвѣла при дворахъ королей, въ особенности при «королѣ-солнцѣ» Людовикѣ XIV; она была экзотическимъ цвѣткомъ и представляла удобную пищу только для немногихъ, являясь для жившей заботами дня массы неудобоваримой. И новое литературное движеніе, представляя пищу для болѣе широкаго круга лицъ и захватывая въ свою сферу въ гораздо большей степени интересы массы,— смѣнило аристократическій псевдо-классицизмъ.

Изъ такихъ-то элементовъ создалось въ Европѣ то широкое литературное движеніе, — отражавшее жизнь и, въ свою очередь, само вліявшее на нее, — которое преимущественно извѣстно подъ именемъ «романтизма».

Въ описываемую эпоху мы, являясь народомъ еще малопросвѣщеннымъ, почти не имѣли самостоятельной литературы и тащились въ хвостѣ европейскихъ литературныхъ движеній.

часто пересаживая ихъ къ себѣ безъ всякаго толку. До Жуковскаго у насъ царилъ псевдо-классицизмъ въ литературѣ, въ которой новшествомъ явилось сантиментальное направленіе Карамзина. Жуковскій пересадилъ къ намъ романтизмъ, усвоивъ преимущественно его одну сторону: мистику, меланхолію и туманность мысли о тщетѣ земного, покорность высшимъ силамъ, причемъ онъ выбиралъ изъ переводимыхъ имъ романтическихъ произведеній лишь то, что́ наиболѣе подходило къ его мягкой натурѣ, привычкамъ и свойствамъ ума.

Обыкновенно указываютъ на личный характеръ поэзіи Жуковскаго, являющейся изображеніемъ его собственныхъ настроеній и ощущеній; ссылаются на его изреченіе: «Жизнь и поэзія — одно». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что жизнь Жуковскаго, какъ и всякаго другого поэта,—но только въ большей степени, — отражалась въ его поэтической дѣятельности, для чего, какъ мы знаемъ, у него были соотвѣтственныя обстоятельства, — несчастная любовь, при которой родство играло роль трагическаго разрушителя счастья. Многія стихотворенія Жуковскаго обязаны этому чувству, являясь его поэтическими изліяніями. Мы знаемъ кромѣ того, что, помимо несчастной любви, все воспитаніе Жуковскаго, всѣ его связи, при врожденной мягкости характера, способствовали тому, что онъ изъ богатства знакомыхъ ему литературъ: англійской, французской и нѣмецкой,—выбираетъ только наиболѣе отвѣчающія своимъ настроеніемъ меланхолическія темы и даже приспособляетъ въ своихъ переводахъ оригиналы къ этому. Въ заимствованіяхъ Жуковскаго изъ «океана романтизма» нѣтъ ни могучихъ аккордовъ, призывающихъ къ борьбѣ за право человѣка на счастье, нѣтъ сатирическаго отношенія къ statu quo, нѣтъ глубокой мысли, анализирующей прошедшее и настоящее и грозно вопрошающей будущее... Вся эта поэзія какъ-будто напоминаетъ ту нѣжную «Эолову арфу», о которой писалъ Жуковскій: она издаетъ, подъ набѣжавшимъ порывомъ вдохновенія,—какъ арфа при полетѣ вѣтра,—лишь нѣжные меланхолическіе звуки.

На эту односторонность поэзіи Жуковскаго и даже на вредъ, приносимый ею обществу, болѣе нуждавшемуся въ разрѣшеніи существенныхъ «земныхъ» задачъ, нежели въ неопредѣленныхъ стремленіяхъ къ небесному, указывали давно уже современные поэту критики, принадлежавшіе къ писате-

лямъ «боевого» сорта. Такъ, Рылѣевъ, въ письмѣ къ Пушкину, отдавая должное Жуковскому за его литературныя заслуги, говоритъ:

«Къ несчастію, вліяніе его на духъ нашей словесности было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали!»...

Дѣйствительно, въ вѣкъ Аракчеева, Магницкаго, Голицына и tutti quanti — поэзія смиренія, отрѣшенности отъ жизни, гдѣ такъ страдали, должна была казаться представителямъ болѣе «активной» литературы вреднымъ занятіемъ.

Объ односторонности и недостаточности заимствованій Жуковскаго изъ «океана» романтизма такъ выражался Полевой:

«Не должно полагать, чтобы Жуковскій глубоко проникалъ тогда въ сущность германской и англійской поэзіи. Онъ самъ признается, что «Гамлета» почитаетъ чудовищнымъ, уродливымъ произведеніемъ... Также не могъ онъ постигнуть глубины Гёте и даже вдохновителя и любимца своего Шиллера.»

...«Ни Жуковскій, и никто изъ товарищей и послѣдователей его не подозрѣвали, что они пустились въ океанъ безпредѣльный... Оптическій обманъ представлялъ имъ берега вблизи.. Срывая вѣтки въ безмѣрномъ саду Гёте и Шиллера, они думали, что переносятъ въ русскую поэзію цѣлый садъ этотъ...»

Но было-бы все-таки несправедливо смотрѣть на всю поэзію Жуковскаго, какъ на субъективную: она имѣла несомнѣнно и историческое происхожденіе и значеніе, какъ протестъ противъ устарѣвшаго псевдо-классицизма, который въ Россіи имѣлъ за себя слишкомъ незначительные таланты и произведенія и достаточно надоѣлъ. Новая струя, повѣявшая какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ произведеній Жуковскаго, вполнѣ отвѣчала назрѣвшимъ общественнымъ ожиданіямъ отъ литературы болѣе живой и интересной пищи. Расширяя формальныя понятія о поэзіи, отводя для нея болѣе значительное мѣсто, «новая струя» эта внесла въ содержаніе русскаго стихотворства до тѣхъ поръ мало извѣстный ему міръ ощущеній внутреннихъ, лиризмъ душевныхъ движеній. Искреннее чувство, высказывавшееся въ меланхолическихъ строфахъ поэта, звучавшая въ нихъ человѣчность,—все это не могло не привлекать къ такой поэзіи людей въ то время, когда царили «желѣзные» нравы и суровые порядки. Все это въ стихахъ поэта, выражаясь съ подкупающей искренностью, являлось въ прекрасной художественной формѣ... Вмѣстѣ съ разнообразіемъ

картинъ, рисовавшихся поэтомъ и къ которому русскіе читатели въ прошломъ не привыкли, эта задушевность производила чарующее впечатлѣніе на современниковъ. Отголоски этого восторга мы видимъ даже у Бѣлинскаго, вообще не особенно снисходительнаго къ Жуковскому.

Вліяніе новой поэзіи, которой Жуковскій являлся пророкомъ и первымъ провозвѣстникомъ, было во многихъ отношеніяхъ благотворно. Не забудемъ, что Жуковскій хотѣлъ сдѣлать поэзію высшимъ руководящимъ принципомъ въ жизни. «Поэзія — есть добродѣтель», говорилъ онъ; «поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли» — нѣсколько туманно въ другомъ мѣстѣ («Камоэнсъ») указываетъ поэтъ. Онъ проповѣдывалъ, — правда, въ общихъ и часто неопредѣленныхъ выраженіяхъ, — любовь къ истинѣ и добру и внушалъ мягкое отношеніе къ людямъ. Всѣ такія черты музы Жуковскаго должны быть поставлены въ крупный «активъ» поэту.

Вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ поэтической дѣятельности Жуковскаго, создавшій ему славу, настолько оригиналенъ, что такого другого примѣра еще едва-ли найдется въ русской литературѣ. Жуковскій былъ почти исключительно переводчикомъ, передѣлывателемъ и приспособителемъ — примѣнительно къ характеру своихъ воззрѣній на жизнь и поэзію — иностранныхъ произведеній. У него сравнительно мало оригинальныхъ вещей, и онѣ не принадлежатъ къ числу лучшихъ. Изъ этихъ оригинальныхъ многія имѣютъ совсѣмъ особенный характеръ: это, вопервыхъ, стихи, писанные къ особамъ царской фамиліи и на случаи разныхъ придворныхъ событій, и, во-вторыхъ, дружескія посланія, на которыя тогда была большая мода, — и «альбомные» стихи. Но былъ бы несправедливъ тотъ, кто, на основаніи вышеуказаннаго обстоятельства, вздумаетъ уменьшать поэтическія заслуги Жуковскаго. Въ этомъ отношеніи умѣстно привести извѣстный афоризмъ о паукѣ, который «изъ себя» тянетъ гадкую паутину, и пчелѣ, собирающей съ цвѣтовъ, «внѣ себя», душистый и сладкій медъ. Эти переводы и подражанія Жуковскаго, по своему замѣчательному мастерству, по поэтической красотѣ ихъ, до сихъ поръ еще неувядшей, но положительно приводившей въ восторгъ современниковъ и сразу поставившей автора въ разрядъ первыхъ знаменитостей своего времени, — справедливо могутъ считаться оригиналами. Перевести стихотвореніе — да еще такъ, какъ переводилъ Жуков-

скій, придавая особые поэтическіе оттѣнки переводимому,—это почти самостоятельный творческій трудъ.

Не будемъ приводить многихъ доказательствъ прелестей переводовъ Жуковскаго, это всѣмъ извѣстно, и мы раньше уже указывали на нѣкоторые изъ нихъ. Здѣсь упомянемъ хотя бы о чудныхъ стихахъ «Жалобы Цереры» и о знаменитомъ «Торжествѣ Побѣдителей» Шиллера, приводившихъ въ такой восторгъ Бѣлинскаго. Какой красотой вѣетъ отъ этихъ строкъ, изображающихъ плачъ плѣнницъ-троянокъ:

И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тяжкій стонъ—
По тебѣ, святой, великій,
Невозвратный Иліонъ!

А эти,—ставшія теперь такими общеупотребительными въ разговорѣ и литературѣ,—строки:

Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ!

Или:

Спящій въ гробѣ—мирно спи,
Жизнью пользуйся, живущій!

Всѣмъ давно знакомы эти пьесы Жуковскаго: «Ивиковы Журавли», «Лѣсной Царь», «Рыцарь Тогенбургъ», «Поликратовъ Перстень», «Кубокъ», «Замокъ Смальгольмъ» и др. Есть и въ его произведеніяхъ, писанныхъ на случаи изъ придворной жизни, прекрасныя вещи; мы уже говорили о стихахъ на рожденіе Царя-Освободителя,—укажемъ еще на чудесную элегію «На кончину королевы Виртембергской».

Но зато напрасно мы стали бы искать въ поэзіи Жуковскаго общественнаго содержанія: поэтъ былъ далекъ отъ дѣйствительной жизни, и она очень рѣдко отражалась въ его произведеніяхъ. Кругомъ шумѣла жизнь, гремѣлъ громъ и сверкали молніи, слышались крики и стоны, — но Жуковскій не внималъ этимъ звукамъ: онъ, какъ воркующій во время бури подъ уютной кровлей голубь,—погрузился въ міръ преданій минувшаго, въ область фантазіи и сладкихъ звуковъ. Онъ былъ аристократомъ поэзіи и не считалъ ее обязанной вѣдаться съ прозой жизни. Любя спокойное созерцаніе «вѣчной красоты», что проистекало изъ свойствъ его ума и характера,—онъ не давалъ въ руки поэзіи меча, чтобы сражаться противъ золъ и страданій, угнетающихъ жизнь. Поэтъ Жуковскаго похожъ на поэта Пушкина. Онъ не «колоколъ вѣчевой во дни тор-

жествъ и бѣдъ народныхъ», а больше жрецъ, служащій «нетлѣнной красотѣ». Вотъ почему мы не должны удивляться тому, что ни Байронъ — этотъ «сатанинскій» отрицатель,—ни Гейне, съ его насмѣшками надъ романтизмомъ, съ его язвительными сарказмами противъ тѣхъ, кому Жуковскій пѣлъ дифирамбы,—не привлекали нашего меланхолическаго поэта. Да и конечно въ его придворномъ званіи было бы совершенно неумѣстно служеніе «музѣ мести и печали». Затѣмъ мы уже ранѣе видѣли въ письмахъ, относящихся къ 1848 году, какъ поэтъ отзывался о тѣхъ событіяхъ, животрепещущее значеніе которыхъ могло бы дать содержаніе многимъ пѣснямъ болѣе отзывчиваго къ «злобамъ дня» и могучаго поэта.

При такомъ не только индифферентномъ, но даже враждебномъ отношеніи къ общественному движенію и борьбѣ, къ тому, что̀ волновало, радовало и заставляло страдать милліоны людей, трудно конечно было и ожидать энергическихъ пѣснопѣній отъ поэта. У себя, дома, Жуковскій находилъ все благополучнымъ и состояніе «домашнихъ» событій не отражалось въ его поэзіи. Онъ, напримѣръ, полагалъ, что «Россія, оторвавшись (послѣ 1848 г.) отъ насильственнаго на нее вліянія Европы», «вступитъ въ особенный, ея исторіей, слѣдственно самимъ промысломъ ей проложенный путь»; она составитъ «самобытный, великій міръ, полный силы неисчерпаемой, сплоченный вѣрою и самодержавіемъ въ одну несокрушимую, нынѣ *вполнѣ устроенную* громаду..»

Жуковскому не пришлось дожить до крымской войны, послѣ которой само правительство сознало неустройства «громады»: тогда бы онъ можетъ-быть отказался отъ вышеупомянутаго мнѣнія.

Въ виду указанныхъ свойствъ поэзіи Жуковскаго, мы конечно тщетно стали-бы искать въ произведеніяхъ или даже въ письмахъ его указаній на безобразіе язвы, разъѣдавшей его святую Русь,—на крѣпостное право. Первое, правда, затруднено было тогдашними цензурными условіями; но мы могли бы разсчитывать на то, чтобъ пѣвецъ «добродѣтели» хотя въ письмахъ удѣлялъ больше вниманія этому вопросу и болѣе рельефно указывалъ на ужасы крѣпостничества.

Извѣстную неподвижность творческой мысли Жуковскаго характеризуетъ то обстоятельство, что онъ, живя даже заграницей, въ то время кипѣвшей идеями и событіями жизни,—былъ

глухъ къ этимъ живымъ голосамъ, а сидѣлъ надъ своими «старикамн», въ данномъ случаѣ надъ Гомеромъ, переводъ котораго онъ считалъ, и едва-ли основательно, подвигомъ своей жизни. Въ то время, когда любимый и въ началѣ его карьеры покровительствуемый имъ Гоголь былъ уже родоначальникомъ реальной русской литературы, добродушный и застывшій въ своемъ піэтизмѣ и меланхоліи Жуковскій тянулъ попрежнему свои старыя пѣсни.

Мы выше говорили о томъ, что у поэта не было чутья жизни, совершавшейся вокругъ, и это иногда доходило до такихъ странностей, которыя производили антихудожественное впечатлѣніе. Въ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ», одномъ изъ исполненныхъ наиболѣе искренняго воодушевленія произведеній,—герои его, русскіе солдаты 1812 г., являются одѣтыми въ латы, шлемы, съ копьями и щитами. Въ одномъ изъ изданій этого стихотворенія красовался рисунокъ, изображавшій Жуковскаго въ казачьей курткѣ съ лирой стоящимъ передъ бородочами-товарищами, расположившимися у сторожевого огня на землѣ...

И такъ, въ чемъ-же заключается плодотворность вліянія Жуковскаго на нашу литературу и значеніе его въ поэзіи? Дѣятельность Жуковскаго, несмотря на перечисленные недостатки ея, имѣла несомнѣнное воспитательное вліяніе тѣми человѣчными идеями и чувствами, какія высказывалъ поэтъ въ своихъ стихотвореніяхъ и прозѣ. Онъ расширилъ сферу поэзіи, замѣстивъ своимъ романтизмомъ обветшалый псевдоклассицизмъ. Онъ далъ поэзіи новое содержаніе и форму, что въ высокой степени плодотворно отразилось на дальнѣйшемъ движеніи нашей литературы. Онъ освободилъ поэтическій языкъ отъ многихъ архаическихъ формъ, способствовалъ большей простотѣ и красотѣ этого языка, чѣмъ и вызывалъ негодованіе «шишковцевъ», хранителей помянутыхъ архаизмовъ. Его поэтическая рѣчь впервые полилась передъ читателемъ непринужденными, яркими и красивыми звуками. Не забудемъ и про то, какое значеніе придавалъ самъ Пушкинъ въ развитіи своего таланта Жуковскому. «Безъ Жуковскаго мы не имѣли-бы Пушкина»,—быть можетъ нѣсколько преувеличенно выражается Бѣлинскій Во всякомъ случаѣ, перечисленнаго достаточно, чтобъ поставить Жуковскаго въ первые ряды нашихъ литературныхъ дѣятелей.

Многіе переводы Жуковскаго надолго останутся чудными образцами поэтической рѣчи. Правда, большая часть вещей, принадлежащихъ поэту, не блещетъ такой красотой, чтобъ жить вѣчно въ памяти потомковъ. Но гигантовъ поэзіи, произведенія которыхъ переживаютъ вѣка, немного, и къ числу ихъ конечно нельзя относить Жуковскаго.

«Неизмѣримъ подвигъ Жуковскаго,—говоритъ Бѣлинскій,—и велико значеніе его въ русской литературѣ! Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзіи элевзинскою богинею Церерою. Она дала русской поэзіи душу и сердце, познакомивъ ее съ таинствомъ страданія, утратъ, мистическихъ откровеній и полнаго тревоги стремленія «въ оный таинственный свѣтъ», которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ юная душа чувствуетъ свою родную, завѣтную сторону... Есть пора въ жизни человѣка, когда грудь его полна тревоги и волнуется тоскливымъ порываніемъ безъ цѣли, когда горячія желанія съ быстротой смѣняютъ одно другое, и сердце, желая многаго, не хочетъ ничего; когда человѣкъ любитъ весь міръ, стремится ко всему и не въ состояніи остановиться ни на чемъ; когда сердце человѣка порывисто бьется любовью къ идеалу и гордымъ презрѣніемъ къ дѣйствительности, и юная душа, расправляя мощныя крылья, радостно взвивается къ свѣтлому небу, желая забыть о существованіи земного праха... Кто не мечталъ, не порывался въ юности къ неопредѣленному идеалу фантастическаго совершенства, истины, блага и красоты, тотъ никогда не будетъ въ состояніи понимать поэзію: вѣчно будетъ онъ влачиться низкой душой по грязи грубыхъ потребностей тѣла и сухого, холоднаго эгоизма...»

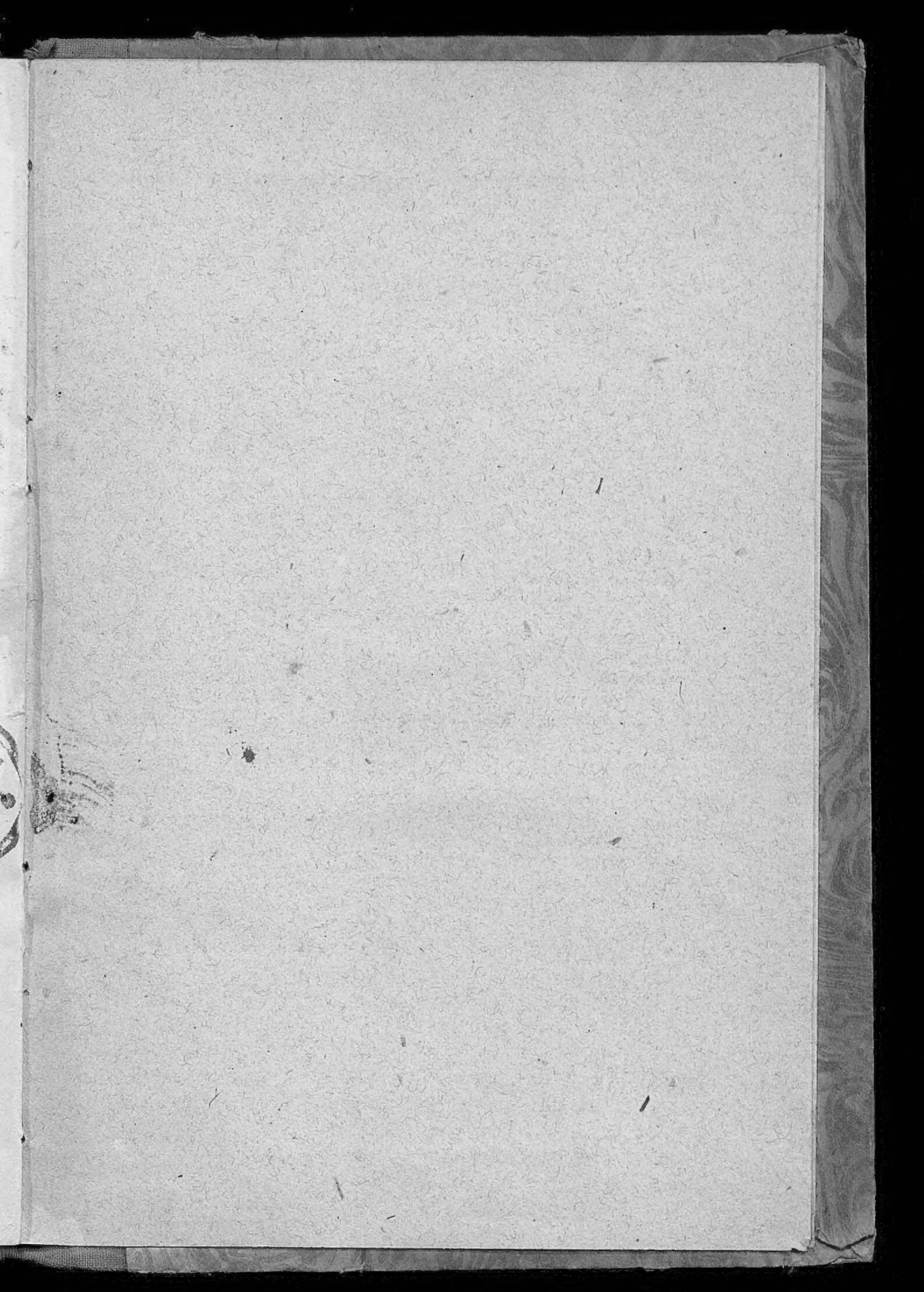
Вотъ для такой-то юношеской поры отдѣльныхъ людей или для цѣлаго «бродящаго» молодого общества велико, по мнѣнію Бѣлинскаго, значеніе поэзіи романтизма.

«Но Жуковскій,—пишетъ дальше критикъ,—имѣетъ кромѣ того великое историческое значеніе для русской поэзіи вообще: одухотворивъ русскую поэзію романтическими элементами, онъ сдѣлалъ ее доступною для общества, далъ ей возможность развитія...»

Дѣвственно-чистая и цѣломудренная поэзія Жуковскаго въ особенности удобна для усвоенія чистыми юношескими сердцами. И долго еще многія изъ его произведеній будутъ одними изъ лучшихъ украшеній предназначенныхъ для юношества книжекъ.

Въ вышеприведенныхъ строкахъ Бѣлинскаго прекрасно очерчено значеніе поэзіи нашего романтика въ нравственномъ развитіи общества: забрасывая въ душу, въ описанную выше пору ея развитія, благородныя и чистыя сѣмена, эта поэзія является сѣятелемъ «разумнаго, добраго и вѣчнаго...»

~~50.80~~
~~170.75~~
=40к.

